

Екатерина ПАНЬО

ВИРУС

Тьма закончилась неожиданно. То, что пришло на смену тьме, никак не было связано со светом. Вообще со зрением. Архив В.-У67Х-3 почувствовал, что существует. Ничего конкретного — ни затекших мышц, ни связных мыслей — только смутное подозрение.

Вскоре сменилось другим — что бы ни происходило с ним, оно увеличивало темп. Ощущения становились яснее, и в какой-то миг В.-У67Х-3 охватила паника — ускорялся он сам, причем сразу во всех направлениях, и его же инерцией вжимало внутрь. Давление все усиливалось и усиливалось — пока архив В.-У67Х-3 не превратился в точку, в мельчайший комочек материи, упакованной так плотно, что он сам не мог вынести собственной тяжести. Но когда он подумал, что сейчас угаснет, исчезнет, поглощенный тьмой, давление упало. И тогда он распрямился, расправился сразу во все стороны — так резко, что это было похоже на взрыв. Ему дух забило от внезапной легкости. От собственной огромности. Свободы. Это было так восхитительно. Так страшно...

В.-У закричал.

По узкому, слабому, едва проложенному каналу пошел первый сигнал к Земле: В.-У67Х-3 прибыл на бета/Mensa4, распаковка стартовала успешно.

Вот теперь тьма действительно закончилась — у В.-У появились первые реальные ощущения. Если бы он был в нормальной человеческой форме, хлынувший прямо в него поток информации свел бы его с ума за три с половиной минут. Возможно, за четыре — В.-У был хорошо тренирован.

Вскоре появилась первая связная мысль: программа разархивирования работает корректно. Фраза показалась В.-У совершенно бессмысленной, но оказала умиротворяющее воздействие на протосознание. Теперь он мог спокойно наблюдать за тем, как на небе разгорается звезда.

Через некоторое время он будет распакован и обретет полноценное существование. Настолько человеческое, насколько это возможно в условиях планеты бета/Mensa4.

В.-У почувствовал, что может слегка шевелиться. Это было хорошим знаком — датчики собрали достаточно информации об окружающей сре-

де, чтобы начать создавать подходящее тело. Следующим должно ожить дыхание. Потом термические ощущения. Потом...

Что потом — он не знал. При обычной распаковке архива следующим этапом было восстановление личности. Но архив В.-У67Х-3 не хранил никакой личной информации. Даже имя свое он узнает не скоро — когда закончится распаковка и будут выполнены все протоколы адаптации. Тогда он свяжется с личным боксом, хранящимся на сервере Космического бюро, и получит все то, что пришлось оставить дома — детские радости и обиды, школьные унижения и, возможно, дружбу, студенческие приключения, любимых женщин, мамины упреки, вкус недозрелого яблока — все, что хранила память человека, сжатого в суперэкономный архив В.-У67Х-3 и отправленного в дальний, еще не освоенный сектор космоса.

Когда он распакуется и отладит канал связи, этот сектор больше не будет дальним — он станет частью информационной сети Земли и базой для ее расширения. Информационный канал, связывающий пока безымянную планету бета/Mensa4 с родным миром, станет транспортной магистралью, по которой прибудут колонисты. Их жизни не будут подвергаться такому же риску, как его, их архивы будут не такими экономными, протоколы распаковки и адаптации, проверенные на нем, будут подогнаны до мелочей. Какое-то время он будет здесь, с ними — как образец и экспериментальная модель. А потом вернется на Землю, пройдет курс реабилитации и запишется на следующий рейс. Если здоровье позволит. Космонавты, несмотря на информационный формат нынешнего космоплавания, выходят в тираж так же рано, как герои физических полетов — сознание человека так же хрупко, как и тело.

В.-У вздохнул. Сначала осторожно потянул в себя воздух, потом задержал дыхание и быстро выдохнул. Эта функция включилась вовремя и работала отлично. Вот только запаха не было.

— Если мы выключим твой мир, ты исчезнешь, — сказал Дэн, изо всех сил стараясь сосредоточиться на панели и не смотреть на Милу.

Мила была славной шестилетней девчушкой. Она умерла восемь или девять лет назад. Услуги Склепа в то время были еще невероятно дорогими, но родители так боялись за свою единственную дочурку, что на всякий случай сделали архив ее личности и заказали весьма просторный по тем временам мир. Вскоре после этого, как будто судьба только того и ждала, девочка погибла в автокатастрофе. Это была престранная смерть — родители, сидевшие впереди, отделались синяками, а ребенок, пристегну-

тый в детском креслице, умер, подавившись леденцом. Все произошло так быстро, что к моменту распаковки Милиного архива ее мир еще не был окончен. И Дэн доводил его до ума уже после того, как в нем появилась Мила. Мир получился безупречным. Мила оказалась таким славным ребенком, что Дэн позабыл о «принципе ущербности». Но ее присутствие оказалось для него таким тяжелым, что он отказался впредь работать с детьми.

Мила обычно приходила с пушистым зайцем под мышкой, садилась на скамеечку рядом с Дэном и наблюдала, как он работает. Сначала молча. Потом вставляла какие-то пояснения. Потом просила привести новую зверушку — сегодня это был жираф. А потом... Потом она просила об одном и том же в течение последних пяти лет: уничтожить ее мир.

— Мне очень жаль, — говорила она. — Ты так стараешься. И у тебя здорово получается. Но мы говорили сегодня ночью с Плитом, и решили, что так будет лучше.

Плитом звали плюшевого зайца. Она не расставалась с ним — с того самого дня, когда умерла в своем креслице, испуганно прижав игрушку к груди.

— Я не могу этого сделать, — повторял Дэн.

Мила кивала и очень серьезно смотрела на него. Странно, но она сильно повзрослела за эти восемь или девять лет небытия.

— Я уже не существую, — сказала она. — Мы с Плитом погибли в автокатастрофе. Ты не знаешь?

Дэн кивнул и снова попытался сосредоточиться на пульте.

— Мама и папа приходят сюда почти каждый день, — продолжала Мила. — Разве это правильно?

— Думаю, да, — отвечал Дэн. — Они любят тебя. Они хотят тебя видеть.

— Для этого существуют посмертные миры? — спросила она.

— Откуда ты знаешь про посмертные миры?

Она пожала плечами.

— Ну, кое-что можно узнать даже после смерти, — уклончиво отвечала она.

Дэну было не по себе — больше, чем обычно в Склепе. Этой девочке всего шесть лет. Она не могла повзрослеть, потому что уже много лет мертва.

— Посмертные миры создаются для того, чтобы ты могла жить после смерти и получать удовольствие, — сказал он первое, что пришло в голову.

— Плит вчера сильно плакал, — сказала Мила.

Дэн почувствовал приступ паники.

— Приходила мама, — продолжала Мила. — У папы скоро день рождения. Мама спрашивала, что я хочу ему подарить.

— Ты что-нибудь придумала? — фальшиво бодро спросил Дэн. — Мы можем сделать это прямо сейчас...

— Плит плакал всю ночь, — повторила Мила. — Я не могла его успокоить.

Дэн вздохнул и отодвинул пульт. Он не мог сосредоточиться.

— Послушай, если ты чего-то хочешь — скажи, и я это сделаю.

— Мы с Плитом придумали подарок, — сказала Мила. — Маме и папе надо родить другого ребенка.

Дэн несколько секунд тупо смотрел в пол. Потом снова подозвал пульт и занялся настройками.

— Чтобы они это сделали, им надо понять, что меня нет, — продолжала девочка. — Меня просто должно не быть. Совсем. Чтобы мы больше не могли видеться и разговаривать. Чтобы они не думали, что я все еще с ними.

— Хорошо, — сказал Дэн. — Причем здесь я?

— Мы с Плитом сегодня скажем об этом маме. Но она, конечно, откажется выключить этот мир. Правда?

Скорее всего, подумал Дэн.

Он, наконец, занялся жирафом. Животное, вернее, черно-белая пирамидка, по форме напоминающая жирафа, появилась в нескольких шагах от них. Дэн принялся растягивать ее, придавая нужные пропорции и размер.

— Нет-нет, сделай его поменьше, — попросила Мила. — Чтобы Плит тоже мог его погладить.

Дэн повозился с масштабированием.

— Такой подойдет?

Жираф, все еще черно-белый, изогнул шею и застенчиво покосился на Милу.

— Да, отлично, правда, Плит? — девочка хлопала в ладоши и тут же снова стала серьезной. — Мама откажется. Потому что я прошу тебя выключить этот мир.

Дэн раздраженно оттолкнул пульт. Ему платят за дизайн, а не за душеспасительные беседы. Девчонке вообще тут делать нечего. У нее куча игрушек. Какого черта она сидит рядом и морочит ему голову?

— Ты понимаешь, о чем просишь? — сердито произнес он.

Жираф, потянувший было изящную мордочку к Миле, испуганно всхрапнул и попятился.

— Я не могу этого сделать, — отрезал Дэн.

— Почему?

— Потому, что я не могу тебя... Не могу прекратить твое существование.

Злость прошла. Дэн крепко потер ладонями лицо и подумал, что едва не сказал глупость. Впрочем, Мила его поняла. И это тоже было странно для шестилетнего ребенка.

— Меня нельзя убить, — сказала она. — Я уже мертвая.

— Хорошо. Я не могу этого сделать, потому что лишусь работы, а потом твой папа переломает мне кости, — сказал Дэн.

Жираф в отдалении перебирал тонкими ногами и бросал осторожные взгляды на людей.

— Ты сможешь убежать, — сказала Мила, улыбаясь жирафу. — Мой папа не слишком хорошо бегают.

— А то, что я лишусь работы, тебя не волнует?

— Найдешь другую. Ты такой молодой. И у тебя здорово получается выращивать жирафов.

Когда он закончил настройки и дал команду свернуть модель, Мила одной рукой обнимала жирафа за шею, другой прижимала к себе Плита. До самого последнего мига, пока ее мир съезжился, превращался сначала в воронку, а потом в маленький радужный шар, она смотрела на Дэна, и он не мог оторвать от нее взгляд.

Шарик на миг завис над панелью, потом мягко опустился на нее и растворился в своей ячейке.

Дэн стоял один посреди Склепа — в самом центре круглого полутемного зала, опоясанного поблескивающей панелью. Приступ головокружения пройдет через несколько секунд — к сворачиванию пространства невозможно привыкнуть. Зато к головокружению можно. Даже необходимо — если ты настоящий мастер и создаешь мир в натуральную величину. Халтурщики работают с настольными моделями — лепят примитивные ландшафты из готовых запчастей, используя два десятка популярных схем, и втюхивают клиенту как «уникальный проект». В нем, конечно, жить можно, в таком мире. Но и только. Настоящие миры делаются иначе — дизайнер сам должен пройти по нему, присмотреться, прислушаться к запахам и собственному пульсу. Микромир ничем не отличается от реального ландшафта — с точки зрения человека, который в нем живет. Впрочем, халтурщики и реальные ландшафты делают, не вынимая зада из складок кресла. Им все равно, с кем работать — с живым или мертвым.

Честно говоря, Дэну тоже было все равно.

Он зажмурился, сосчитал до десяти. Подождал еще немного — перед глазами все еще мелькали желтые и коричневые пятна, — открыл глаза и сделал два осторожных шага. Слегка пошатнулся.

— Код MU32 — сказал он.

Терминал мигнул и вывел на экран сообщение об успешном обновлении мира MU32.

Дэн свернул свой пульт, сунул в карман инфоблок и направился к выходу.

Ему было все равно, с кем работать — с мертвым клиентом или живым, но находиться в Склепе было мучительно. Дэн не мог заставить себя задержаться и поработать еще с двумя-тремя мирами. Он зайдет сюда после обеда. А лучше, завтра.

Несмотря на тонкие настройки климат-контроля, в Склепе всегда было холодно, а когда особенно нервные посетители поднимали температуру, становилось жарко, как в аду. Изменение освещения тоже не помогало — оно было либо тусклым и сумеречным, либо сразу же, без переходов, нестерпимо ярким, слепящим, словно в больнице или камере для допросов.

Дэн никогда не пытался сделать свое пребывание в Склепе более уютным. Он знал, что это бессмысленно — живому не может быть уютно среди мертвых. Он спускался в Склеп почти каждый день, делал свою работу и уходил до того, как руки начинали ощутимо дрожать. Он не верил в духов, не слышал мистических голосов — он был просто жив и, следовательно, несовместим с обитателями Склепа. Он старался с ними не встречаться. Никогда не сопровождал родственников своих клиентов во время посещений — в его мирах невозможно было заблудиться. Провожатый был нужен только из-за страха встречи с умершим — а тут Дэн ничем помочь не мог. Тому, кто боялся, по его мнению, вообще не стоило посещать Склеп. Да и никому из живых не стоило этого делать.

Посмертные миры создавались совсем не для свиданий — это было место вечного упокоения. К тому же у покойного никто не спрашивал, можно ли его потревожить и когда именно. Поэтому, когда посещения посмертных миров вошли в моду, Дэн ввел в базовую программу дизайна функцию убежища, в котором умерший мог спрятаться от незваных гостей. Эта возможность не значилась в заказе, он даже не обозначал убежищ в проектах — он просто создавал их и считал это делом профессиональной этики.

— Ну что, ты сможешь сбежать от своих покойничков? — спросила Магда.

Они встретились за обедом в Центре. Дэн с удовольствием рассматривал Магду — она была реальной, теплой и живой. Он почти не слушал, что она говорит — это не имело значения. Вполне достаточно ее видеть.

— Ты собираешься отвечать? — раздраженно поинтересовалась Магда.

— А?

Она закатила глаза.

— Ты снова полдня проторчал в Склепе?

Дэн кивнул.

— Ты спиятишь со своими мертвецами, — отрезала она. — Ты что, больше не имеешь чем заняться?

— Солнышко, ты прекрасно знаешь — за мертвых платят гораздо лучше, чем за живых.

Он немного кривил душой — платили примерно одинаково и за мертвые миры, и за реальные ландшафты, но заказов на мертвые миры было больше, а возни с ними куда меньше.

— Ну, раз тебе так хорошо платят, мы можем позволить себе две недели у моря? — сказала Магда.

— Ты можешь жить у моря хоть целый год, — ответил он.

Это был неправильный ответ. Она судорожно сжала вилку.

— Мне не нужны твои поделки, — сказала она как могла холодно. — Я хочу к морю. К реальному морю. И я туда поеду — с тобой или без тебя.

Магда не умела держать себя в руках. Она очень старалась, училась, тренировалась перед зеркалом, но ледяное спокойствие, которое она считала признаком аристократизма и ради которого выкидывала огромные суммы на психологические тренинги, оставалось для нее разве что студийным достижением — перед зеркалом у нее получалось отменно. Но в реальной жизни темперамент очень быстро брал свое. Темперамент, из-за которого Дэн в нее влюбился, и даже когда влюбленность прошла, продолжал в ней нуждаться. Ее горячность, способность кричать по любому поводу — от радости, от ярости, от восторга, от страсти. Ее вызывающая живость. Он научился не слушать, что именно она кидает ему в лицо — просто смотреть, впитывать, набираться сил. Она это чувствовала — и заводилась еще сильнее. В конце концов, он оставался в чистом выигрыше, хотя сторонний наблюдатель сказал бы, что он разбит наголову.

Вилка давно была отброшена в сторону. Магда, схватившись за края стола, смотрела на него горящими глазами и шипела, как змея, которой наступили на хвост.

— Создавай моря для своих жмуриков! Ты сам ничем не лучше мертвеца. Зачем тебе живая женщина? С ней одни проблемы! Она, видишь ли, хочет на море!

Дэн нагнулся и подобрал вилку. Когда Магда иссякла, он кротко произнес:
— Почему ты решила, что я против?

Он знал, что это разозлит ее еще больше.

— А как я должна была это понять?

— Совершенно прямо. Мои... жмурики вполне могут обеспечить тебе хоть целый год у моря. У реального моря.

Она упрямо сжала губы и опустила глаза.

— Я сама в состоянии себя обеспечить, — буркнула она и с ненавистью посмотрела на вилку. — В этой чертовой забегаловке есть официанты? Или мне самой идти за чистой вилкой?

Дэн подозревал официанта. Магда уткнулась в свою тарелку. Сегодня вопрос с поездкой к морю снова удалось обойти. Он, в принципе, не против — этим она удовлетворилась. Но это не конец. В ближайшие дни Магда бронирует билеты и отель. Он скажет, что как раз в эти дни никак не может — и это будет правда. Очередной раунд скандала. После которого она все-таки уедет — одна, с подругой или — ему назло — с другом. Который едва ли продержится дольше двух дней, потому что ярость Магды иссякнет, едва она удалится от него, Дэна, на приличное расстояние. Возможно, из всего того, что у нее было, он самый подходящий партнер.

Дэн вздохнул. Ему стало скучно. Магда была интересна только в моменты пиковых напряжений. Сейчас, обессиленная приступом ярости, она казалась жалкой — но пожалеть у него не получилось. Никогда не получалось.

Он заказал ей кофе.

После обеда он все-таки вернулся в Склеп. Со следующим миром было куда меньше технических проблем. В нем корректно работали стандартные программы дизайна. В нем не надо было вручную раскатывать растрескавшиеся валуны и обсаживать их скудным разнотравьем. Всего лишь небольшая перемена климата — чуть прохладнее вечера, чуть резче суточные перепады температуры, обязательно лимонная рожица, в которой хилые деревца постоянно роняют цвет из-за неожиданных ночных холодов. Это был его фирменный знак — ни одного до конца совершенного мира. Что-то обязательно должно идти не так — какая-то мелочь, не мешающая жить, но не позволяющая заподозрить в Творце педанта. Человек не в состоянии долго выдерживать совершенство. Даже если этот человек мертв.

В.-У выругался и повторил команду. Никакого эффекта. Он переключился на ручное управление и уставился на командную панель. Пара-

метров было не меньше трех десятков, каждый регулировался ползунком. Почти все ползунки мигали сообщением «недоступно», а остальные прочно сидели в красной зоне. В.-У потянул один из них назад в голубую. Шатер дернулся, словно под порывом ветра. В.-У поманил следующий ползун. Оболочки вокруг поплыли. А в следующий момент без всякого вмешательства с его стороны, шатер распался на хаотичный набор цветных пирамидок. У В.-У зарябило в глазах. Он зажмурился, наугад ткнул в панель. Шатер исчез. Панель тоже погасла. В.-У. вздохнул, помахал кистью, прогоняя панель прочь, сел на землю и задумался.

Кто мог подумать, что получится так криво? Ведь поначалу все шло совершенно по плану. Как в учебнике по космонавтике информационной эры. Собственно, в его случае планы могли быть только самыми приблизительными. Никто не знал хорошенько, как пойдет дело на бете/Mensa4. Она вообще могла оказаться непригодной для колонизации — система беты Столовой горы находилась слишком далеко от поверхности земной инфосети, и погрешность в интерпретации данных могла оказаться колоссальной. Сам архив В.-У67X-3 был экспериментальным, он был сжат в суперплотную информационную структуру, способную преодолеть огромное расстояние с невероятной скоростью. В.-У путешествовал налегке — от его исходной человеческой личности в архиве остался минимум, необходимый для запуска программ и сборки основных структур сознания. Все остальной ушло на прокладку канала, по которому пакет за пакетом ему досылали необходимую информацию.

Спасибо хоть этот канал работал стабильно.

Но этого канала было мало — его хватало ровно на обеспечение потребностей одного пионера-колониста.

В.-У снова подозвал командную панель и вызвал Службу поддержки Космического бюро.

— Программы организации среды не работают, — без предисловий объявил он.

— Конкретизируй.

В.-У на секунду задумался, с чего начать. Хуже всего шла стройка. Он уже третьи сутки пытался построить дом. Начал с проекта коттеджа, в котором могли бы поселиться две-три семьи, а час назад потерпел неудачу, пытаясь соорудить обычный походный шатер.

— Утилиты для настройки оболочек жилого пространства, — сказал он.

— Тестированы перед отправкой, — ответил дежурный техник после паузы.

— Они не работают, — упрямо повторил В.-У.

— Пиши рапорт о повреждении, — ответил техник. — Объясни причины.

— Я не знаю причин. Это вне моей компетенции.

— Опиши в подробностях возникшие трудности.

— Я описал в подробностях — она не работает, — сказал В.-У. — Я не могу создать даже схемы оболочек.

— Невозможно, — произнес техник. — Программа протестирована и признана исправной. В полевых условиях могут обнаружиться небольшие проблемы в тонких настройках — цветовые гаммы и текстуры.

— Какие текстуры? Программа зависает на этапе выбора схем!

— Нарушение правил эксплуатации?

— Я не нарушал правил, — ответил В.-У. — Может, старый релиз?

— Релиз признан пригодным для твоего типа организма и среды.

— Какого это — моего?

— Отказано в доступе к информации, — отрезал техник.

— Я настолько безобразен?

— Отказано в доступе.

В.-У набрал в грудь побольше воздуха и задержал дыхание. Базовые эмоции отсечь при архивировании не могли даже самые передовые программы сжатия. То, что оставалось после сжатия, было даже не эмоциями — голыми аффектами. В этом таилась огромная опасность — не организованные в тонкие эмоциональные гаммы, аффекты, вырываясь из-под контроля, могли серьезно повредить сознание. Как правило, это приводило к гибели космонавта.

В.-У медленно выдохнул и напомнил себе, что техник действительно не имел права отвечать на его вопрос. Он всего лишь выполняет свою работу согласно какому-то там пункту должностной инструкции. Скорее всего, он даже не знает, где она лежит, информация о его, В.-У, жизненной форме. Антропологи, к которым стекалась информация с датчиков, пронизывающих его тело, хранят свои тайны свято. Модель, которую они построили, скорее всего, неточная. Они вообще мало что могут сказать точно, эти мальчики и девочки из антропологического — но щеки надувают, что ты. Секретность, конспирация и тайное знание. Вот только по их данным никогда нельзя нормально отладить программу выживания.

Информация, касающаяся внешнего вида адаптированного организма, засекречивалась, чтобы не отпугивать потенциальных колонистов. Не каждому захочется превратиться в чешуйчатый гриб, пускай даже супер-приспособленный к условиям среды и живущий тысячу лет по земным меркам.

В.-У. было наплевать, какой он на самом деле — колония грибков, сгусток слизи или юноша с внешностью Аполлона. Сам себе он казался вполне человеком.

— Слушай, я не собираюсь посылать свою фотографию любимой девушке, — сказал он. — Все, что мне нужно — чтобы программа не глючила. И если вы не в состоянии прислать релиз, соответствующий моим условиям, я попробую настроить ее сам. Только дайте мне полную информацию о моих органических потребностях — я не в том положении, чтобы работать методом тыка.

— У тебя недостаточно квалификации, чтобы самостоятельно отладить программу, — ответил техник.

— Я что, никогда раньше этим не занимался?

— Занимался. Трижды. Но ты не владеешь этими воспоминаниями.

Чертова специализация в чертовой Земной сети! Ему уже трижды приходилось выкручиваться на других планетах, опираясь только на собственные знания и опыт, но умники из архивного отсекают эти воспоминания, потому что отладка программы — в компетенции других спецов, а ему, стало быть, это ненужно!

— Тогда дайте мне доступ к персональному архиву, — сказал В.-У.

Он знал, каким будет ответ.

— Отказано. Не закончен этап адаптации организма к среде.

— Но я не могу закончить этап адаптации без нормально работающих программ!

Спорить было бессмысленно. На сей счет существовало еще несколько пунктов должностной инструкции, сводившиеся к тому, что личность пионера — серьезное препятствие для объективного изучения среды. Как будто он ее изучал! Он же тут просто подопытный кролик, набор функций, его мнение, само его восприятие почти ни на что не влияет — вся информация считывается прямо с датчиков, пронизывающих планетарную кору и его собственное тело, а его рапорты отправляют в архив, не слушая. Их заслушают, только если он вдруг перестанет выходить на связь и после определенного срока будет признан погибшим. И то, только потому, что этого требует процедура удаления бокса с его персональной информацией.

— Все программы были предоставлены, — бубнил техник, сидя в удобном кресле и наверняка цедя пиво.

— Но они не работают! — рявкнул В.-У

— Объясни причины порчи программы в рапорте.

— Я не портил программу!

— В таком случае она должна работать корректно.

В.-У отключил связь и отшвырнул панель. Непонятно, как человечеству, обремененному таким количеством идиотов и бюрократов, вообще удалось выйти за пределы Солнечной системы. Взять хоть эту программу трансформации — даром она никому не нужна. Во всяком случае, на этапе первичного освоения планеты. Все, что нужно — изучить среду, сформировать модель организма, способного выжить в этих условиях, наладить широкий канал связи и программы распаковки для приема колонистов. Дома себе пускай сами создают — согласно собственному вкусу и представлениям об уюте. Дома, ландшафты, далекие горы и глубокие моря — все, на что хватит воображения и мощностей. А может, им так понравится местный пейзаж и простая жизнь под открытым небом, что им и дома не захочется — он вот хрустит ледком и прекрасно себя чувствует. Немного муторно в сумерки, когда выползает из расселин синеватый туман. Но ко всему можно привыкнуть. Он вот уже почти привык.

Вот только колонисты, в отличие от него, не были путешественниками. И они прибывали на планету целиком, всей своей личностью — с воспоминаниями, страхами, амбициями и предпочтениями. Для них путешествие и распаковка были невероятным приключением. Не все, придя в себя и увидев вокруг розоватую пустыню, могли сохранить присутствие духа, а программы психологической реабилитации громоздки и в условиях иных планет крайне неэффективны. В каком бы виде не путешествовали современные люди, в каких бы организмах не воплощались, они оставались людьми и нуждались в доме и привычных временных циклах. Выйдя из трансформации им надо было посидеть в кресле ли хотя бы на табурете, выпить чаю или чего покрепче и подумать, как жить дальше. Поэтому Космическое бюро сделало создание дома пунктом минимальных санитарных норм для приема колонистов. Этот дом В.-У должен был построить. При отсутствии корректно работающей программы и собственных воспоминаний, которые, возможно, помогли бы ему эту программу отладить.

Он сосредоточенно сердился по поводу дома, чтобы не слишком задумываться над всем прочим. Гораздо хуже, чем со строительством, обстояли дела с энергогенератором. Он работал как часики — пока не увеличивалась нагрузка. Расширение канала связи, увеличение мощности репликатора или интенсивности добычи элементов, генератор чихал, связь пропадала вообще, репликатор выдавал сообщение об ошибке и отправлялся следом за связью. Стоило вернуть мощности в начальные пределы, необходимые для поддержания его собственной жизни, все приходило в норму. При этом что энергоресурса, по собственным данным генератора, должно было хва-

тить на поддержку канала, достаточного для приема миллиона плохо запакованных колонистов, с одновременной работой симулятора Лас-Вегаса в натуральную величину и во всех деталях.

И эти перцы из Космического бюро утверждают, что все протестировано и работает исправно? Да, работает — пока обеспечивает его выживание на этой планете. Но его задание не выжить, а подготовить планету для приема колонистов. Этому его программы сделать не могут, потому что какой-то тупица вместо колонизаторского пакета прислал пакет выживания. Вот и вся история. Теперь его будут толкать в шею, чтобы он выполнял график, а он тем временем будет бубнить рапорты о непригодности программ и ссориться с дежурным техником, чья компетенция вряд ли шире, чем его собственный зад.

В.-У поднялся. Ему захотелось прогуляться. Размять мышцы. Может, даже пробежаться — до Сумеречных Холмов, например. Что он сидит, уткнувшись в свои панели? Вокруг неосвоенный мир — вполне возможно, если бы он был способен посмотреть на него глазами туземца, а не пришельца, он мог показаться ему прекрасным. Но любопытство — это тоже неплохо. Странно, почему умники из архивного не признали любопытство лишним и не оставили в боксе? Ведь исследование — это вне его, В.-У, компетенции.

Мысль о колонистах внезапно вызвала у него приступ раздражения. Люди преобразуются в сгустки чистой информации. Преодолевают пространства, о которых не всем хватит воображения помыслить. Обретают новые тела. Но им все равно нужна пещера, как каким-то неандертальцам! Им нужен очаг, чтобы было вокруг чего собраться семье. Им нужен садик, чтобы в нем играли дети. Им нужно море, чтобы отдохнул глаз. Им нужны горы и походы, чтобы выплеснуть адреналин. Им нужна Земля. Так какого черта они лезут в космос?

В.-У все ускорял шаг. Его гибкое, легкое тело требовало высокого темпа. Оно хотело бежать. Мчаться. Возможно, лететь. Кто знает, может, оно было на это способно. Сумеречные Холмы понемногу приближались — их силуэты четко проступали на фоне прозрачного сиреневого неба ненадолго, перед тем, как синяя дымка развеивалась, и все вокруг заполняла плотная чернота. В.-У припустился бегом. Пульсация в висках становилась все ровнее, все тише. Наконец, монотонные толчки затихли — и сознание В.-У затопило умиротворение. В конце концов, не колонисты писали санитарных нормы — к чему на них злиться? Не исключено, что это все им на самом деле не нужно — все эти требования придумывают бюрократы, в жизни не бывавшие дальше орбитальной станции. Им, колонистам, ско-

рее всего, как и ему понравилось бы бежать, делая длинные скачки, бесшумно касаясь самыми кончиками пальцев нижней, самой длинной пары конечностей каменистой неровной поверхности.

С каждым шагом его все больше охватывал восторг. Не все ли равно, что будет дальше? Он вполне сможет прожить на этой планете тысячу лет — на него одного ресурсов хватит. Как долго он сможет оставаться человеком, если не получит доступа к собственной личности? А если он его получит, сможет ли он остаться таким гибким, сильным, способным достичь Сумеречных Холмов и Полуденной Реки?

Мысль о Полуденной Реке потрясла В.-У — он ее еще не видел. Увидит ли вообще? Или, вернув себе собственную память, не захочет на нее смотреть? Его потянет к другим рекам. Наверняка в его памяти хранятся какие-то берега, излучины, плеск, зыбь. Это была бы скверная шутка — обрета себя, навсегда потерять Полуденную Реку. Эта мысль сделала его тяжелым. В висках снова застучало. Он отогнал ее прочь. Он обратил лицо к горизонту, на котором маячили то ли горы, то ли тучи, в общем, наверняка обман зрения или особенности рефракции или, еще лучше, фантомы его собственной памяти. Он твердо знал, что по оранжевым водам Полуденной Реки он сможет бежать так же легко, как по хрустящему ледку равнины.

Небо темнело. По коротким, жестким кремниевым волоскам В.-У пробегали искры электрических разрядов. Ему нравилось — он встряхивался, сбрасывая в подступающую черную бездну маленькие сверкающие шарики. Он наклонял голову к камням и на ходу слизывал мелкие розоватые льдинки. В Бюро, конечно, сидят халтурщики, но программа адаптации у них случайно получилась превосходной. Его организм был совершенным. И при том вполне человеческим — до самых кончиков-хеморецепторов, чувствительных волосков на внешнем контуре тела.

Он бежал прямо к горизонту, линия которого, ломаясь, заманчиво изгибалась к небу. Он мог бы проскочить эту границу и продолжить бег — так же легко, как по поверхности планеты, простираясь все дальше, ничего не оставляя позади, кроме себя.

Заросшая вереском каменистая пустошь, всего мгновение назад тянувшаяся, сколько хватало глаз, стремительно съеживалась. Горизонт сужался, закручивался в воронку. Дэну это ничем не грозило — через несколько секунд посмертный мир WYB-5y превратится в радужный шарик не больше мячика для пинг-понга и исчезнет в своей ячейке, а он, Дэн,

окажется в Склепе. Ничего страшного. Если не считать того, что он не дал команды свернуть мир. Дэн перевел пульт в ручной режим, вызвал панель задач, нашел строчку «свернуть» и дал отбой. Небосклон мягко качнулся, и линия горизонта восстановилась. Под порывом ветра по вереску пробежала волна. На ближнем склоне обнажился серый замшелый валун. Через миг все успокоилось, ландшафт вернулся в прежнее состояние. Дэн еще раз проверил программу и убедился в том, что она исправна. Почему в таком случае попытка изменить очертания холмов у самого горизонта вызвала сворачивание мира?

Собственно, ошибка могла случиться — но не в программе дизайна, а в самой основе мира WYB-5y. Это был невероятно ветхий мир. Наверное, один из первых посмертных миров. Его готовила целая команда, в которой он, Дэн, был всего лишь подмастерьем. Тогда никто из них не мог считаться мастером — просто к кибернетикам традиционно немного больше доверия, чем к дизайнерам, поэтому мастерами считались они. В тот момент его творчество было сильно ограничено программными возможностями и довольно небольшой емкостью самого мира. Теперь он исправлял, расширял, корректировал и убивал на это больше времени и сил, чем на создание нового мира. Здешний умерший наотрез отказывался переселиться в другой мир, несмотря на то, что ему пообещали точно такое же дизайнерское решение. Он уверял, что его все устраивает и в этой версии, но неугомонные родственники настаивали на улучшении условий. И Дэн улучшал — насколько позволяла устаревшая матрица и сам старик, который, вопреки его, Дэна, просьбам, обязательно появлялся, останавливался шагах в двадцати, какое-то время молча наблюдал за его работой, а потом, так и не сказав ни слова, поворачивался спиной и уходил прочь.

Сегодня он не появился. И Дэн подумал, что работа пойдет веселее без его надзора. Но получилось наоборот. Дэн с тоской обдумывал перспективу вылавливания блох в базовой программе. Этим займутся программеры, но ему придется присутствовать и огрызаться на каждое их замечание о «дизайнерской бредятине», которой он перепоганил их «превосходное программное решение». К слову, эта матрица ни одной минуты не была превосходной, он достаточно с ней поработал и знал ей цену, как никто другой. Но кто его станет слушать? Кибернетикам по-прежнему доверяют больше, чем дизайнерам. И на его разлогую служебную записку о том, что программная база мира не соответствует требованиям, сформулированным в договоре, внимания не обратят. А вот на писульку дежурного программера о том, что неграмотное дизайнерское решение привело к повреждению матрицы...

Дэн выругался сквозь зубы, упал на землю и откатился за ближайший валун. Снова неподалеку гроыхнуло, свистнуло и камень, за которым он спрятался, брызнул в стороны мелкой крошкой. Дэну потребовалось мгновение, чтобы понять — кто-то в него стрелял. И удивиться собственному рефлексу. Он никогда не попадал под обстрел, а тело сработало, как часы. Дэн встал и выпрямился во весь рост.

— Какого черта вы делаете? — закричал он.

Снова выстрел и отвратительный свист. Дэн не без труда подавил желание снова упасть на землю и сжаться в малюсенький комочек. Ничто, происходящее в посмертном мире, не могло повредить ему. Во всяком случае, физически.

Из-за валуна показался покойник. У него в руках было старомодное ружье с длинным стволом — как в фильмах про ковбоев.

— Что вы себе позволяете? — снова крикнул Дэн.

В его голосе отчетливо прорезались истерические нотки.

— А, это ты.

Покойный, казалось, был разочарован.

— А кто тут еще мог быть? — проворчал Дэн и принялся отряхивать куртку.

У него дрожали колени.

— Не знаю, кого ты ко мне подселил, приятель, но ему не жить — сказал покойник.

Дэн отметил, что он не снимает палец со спускового крючка и не собирается приближаться.

— Что за чушь? — возмутился Дэн. — Вы отказались от соседей.

Старик кивнул.

— Тем не менее, вы кого-то ко мне подселили. Вы не слишком чистоплотные ребята, а?

— Если произошла какая-то ошибка в программе... — начал Дэн.

Но покойник его перебил.

— Попросту говоря, вы загнали мою берлогу кому-то еще, — сказал он.

— Ничего подобного, — ответил Дэн. — Вы отказались от виртуальных соседей...

— Я не нуждаюсь в соседях, — отрезал старик. — У меня при жизни их было слишком много.

Дэн пожал плечами.

— Мы проверим программы, — сказал он. — Но я и так уверен, что это ошибка.

Старик не ответил. Но ружье сунул под мышку.

— Э... А вы не можете его описать? — спросил Дэн.

Старик повернулся спиной и пошел прочь.

Дэн осмотрелся в поисках пульта — он отшвырнул его в сторону, когда прогремел первый выстрел. Пульт висел в нескольких сантиметрах над землей за соседним валуном.

Дэн дал команду свернуть мир.

Он стоял, зажмурившись, и ждал, когда исчезнет вереск: особенность монотонного пейзажа — от него тяжелее отключиться. Каждая деталь — пучок травы, пробившийся через трещину в камне, сиреневая дымка над дальним склоном, вросший в землю валун — врезается в память и воскресает во всех деталях, стоит только закрыть глаза, задремать, просто задуматься.

Интересно, мертвец может выжить из ума? У него может развиться паранойя или маниакально-депрессивный психоз? Он может просто захотеть убить его, Дэна, придумав легенду о чужаках?

Дэн подумал о Маге. У нее была, по крайней мере, одна сильная сторона: она никогда не теряла ориентиров. Ее спасал дар называть вещи своими именами — сознательно или нет. А вот он постоянно забывал, что о клиентах надо думать, как о мертвецах. Возможно, если бы он об этом постоянно помнил, ему не было бы так муторно в Склепе. Если из них двоих кто-то и подвержен психозам, то это он, Дэн, а не старик. Просто потому, что он жив, а старик — покойник.

Мага права — он слишком увлекся жмуриками. Надо больше времени уделять живым ландшафтам. Несмотря на то, что с точки зрения чистого искусства, они оставляли значительно меньше возможностей для творчества, чем сугубо виртуальные посмертные миры, Дэн отдавал им предпочтение. Одиннадцать лет назад он с радостью схватился за работу для Склепа — за нее отлично платили. Первые посмертные миры были товаром штучным и очень дорогим. Вряд ли они действительно столько стоили даже тогда — технологии сохранения архива человеческой личности и его дальнейшей распаковки были достаточно отработаны Космическими программами. Бюро выкинуло их на рынок ширпотреба, как выкидывало все, чему только можно было придумать применение в быту. И то, чему так и не нашлось применения в собственно космических программах. Идея с посмертным существованием сначала не показалась Дэну не только перспективной — даже слегка интересной. А потом это превратилось в его основную работу. Сознание распаковывалось после затухания электромагнитных колебаний мозга — и человек возрождался в виртуальном мире, где хотел обрести приличные условия жизни. Они оговаривались

с клиентом еще при жизни и были довольно однообразными — уютный домик, сад, лес, горы, море, все, что человек имел или мечтал иметь при жизни. Обеспечить это оказалось легко — с помощью стандартных пакетов программ организации пространства, давным-давно разработанных для архитектурного проектирования, ландшафтного дизайна и дизайна интерьеров. В случае с посмертными мирами, эти проекты даже не надо было воплощать в реальности. Посмертные миры оказались очень выгодным бизнесом.

Дэн почувствовал, что по спине бежит пот — и только тогда понял, что стоит у входа в Склеп на солнцепеке и вот-вот получит солнечный удар. Лето выдалось жаркое. Город раскалился, как топка. Дэн поплелся к машине, упал на сидение и включил кондиционер.

Ему надо было поехать к морю. Вместе с Магдой или без нее.

Он завел мотор и выехал на улицу.

Только когда ему удалось втиснуться в поток машин, тянувшихся из центра, он понял, что сделал ошибку, не оставив служебной записки. Было это сумасшествие покойника или расстройство его собственных нервов — проверить невозможно. Но кое-что в программе мира WYB-5у действительно произошло, и это «кое-что» можно было отследить. Ружье. Он, Дэн, никогда его не создавал — это легко проверить по истории мира, которая фиксируется в памяти Склепа. Откуда же взялось ружье?

Занятый размышлениями и обещаниями себе самому послать записку в службу поддержки Склепа сразу же, как только выдастся минутка, он не заметил, как выбрался из общего потока и оказался в пригороде. По обе стороны потянулись аккуратные и почти одинаковые безвкусные палисадники. Дэн мог безошибочно определить матрицы едва ли не всех дизайнов — студенческие поделки, два-три роскошных участка — победители дизайнерских конкурсов пятилетней давности, воспроизведенные в меньшем масштабе и дешевых материалах, несколько незатейливых подделок под естественные биотопы и, отдых для глаза, стриженные английские газоны с гравиевыми дорожками, которые выглядели бы вполне прилично, если бы не масштаб 1:10.

Дэн оставил машину под тентом и завернул за хорошенький беленький домик.

Настроение, и без того паршивое, ухудшилось.

Старая курица. Снова за свое.

Дэн остановился за кустом сирени, который еще на прошлой неделе находился перед домом возле крыльца и стиснув зубы постарался уговорить себя быть вежливым. Ему нельзя терять этот заказ. Старуха, конечно,

ведьма. Но у него не так много реальных ландшафтов, чтобы он мог себе позволить потерять этот. Он сделал глубокий вдох, обогнул куст и вышел в садик.

Под высокой старой яблоней, которой на самом деле не было и года, он увидел огромного лысеющего мужчину и маленькую сухонькую старушенцию. Они разговаривали. Вернее, он неразборчиво бормотал, а она подскакивала, размахивая крохотной сапкой у его носа, и отвечала пронзительной скороговоркой. Дэн обвел взглядом сад и полез в карман за инфоблоком.

Сад был разгромлен. Он ничем не напоминал то маленькое, уютное произведение искусства, которое он, Дэн, создал около года назад. Он ничем не напоминал даже ту его версию, которую он воплотил в мае, когда Эмма — так звали старушенцию и хозяйку сада — решила, что ей не хватает гортензий и сама, собственной персоной поехала за триста километров в питомник, выбрала кусты, заплатила сумасшедшие деньги и собственноручно ткнула их в землю. Кусты не прижились, и Дэну пришлось их спасать, а заодно спасать грядки, засаженные то ли петрушкой, то ли сельдереем, которые не предполагались проектом садика, но которые почему-то этой весной показались хозяйке совершенно необходимыми.

Дэн вызвал виртуальную панель и дал команду тестировать сеть. Конечно, сеть, оплетавшая все рабочие поверхности сада, была искромсана лопатами, сапками и садовыми ножницами. Она почти не работала — Дэну не надо было дожидаться результатов тестирования, чтобы в этом убедиться, достаточно взгляда на новые грядки, вырванные с корнем кусты и непонятно для чего прорытые траншеи.

Эмма, казалось, почувствовала, что в недрах земли что-то происходит. Она круто развернулась и воинственно подняла сапку.

— Даже не думайте! — крикнула она. — Убирайтесь! Не смейте ничего трогать! Ненавижу магию, — это старушенция произнесла себе под нос.

— Мама, это не магия, — с отчаянием произнес ее верзила-сын. — Это дизайн...

— О, Пол, ты все-таки тупица, — воскликнула Эмма. — Как я могла вырастить такого сына? — эти слова были обращены к Дэну, и он постарался сделать вид, что не расслышал. — Я просила сад. Маленький садик, в котором я смогу спокойно ковыряться в грядках и привыкать к земле. В моем возрасте уже пора, ты не находишь? А что ты сделал? — она снова повысила голос и ткнула сапкой в направлении Дэна. — Ты приволок сюда вот это!

Дэн снова сделал вид, что не расслышал. Ему было совершенно не до препирательств матери и сына. Он спешил восстановить сеть нанотранс-

форматоров, разрушенную неугомонной Эммой уже в который раз. У Дэна было подозрение, что Эмма специально пересаживает свои кусты и перекапывает грядки в самых неожиданных местах, чтобы нанести как можно больший урон сети. Потом она подчеркнуто громко ссорилась с сыном, а сама исподтишка наблюдала, как он возится со своим пультом. Он готов был поспорить, что старуха засекала время и проверяла, как скоро он восстановит сеть в этот раз. Дэн неожиданно поднял взгляд от пульта и, встретившись с испытующим взглядом старушечки, успел улыбнуться ей от уха до уха, прежде чем она отвела взгляд.

Он больше не был на нее зол. Сеть выведена из строя. Часть трансформаторов наверняка навсегда потерянна. Но ее сын все оплатит. А упрямое желание Эммы самостоятельно возделывать свой сад казалось Дэну прелюбопытным анахронизмом. Она хотела сама подрезать розы и вскапывать грядочки. Вот только поддерживать реальный сад она на самом деле не могла — не умела, да и сил не хватало, а профессия садовника отмерла лет пятьдесят назад, когда в массовую эксплуатацию вошли программируемые экосистемы.

— Я не могу видеть, как кусты выбираются из земли и маршируют в другой конец сада, — говорила Эмма — говорила громко, чтобы слышал Дэн. — Я не понимаю, почему яблоки должны перевешиваться с ветки на ветку — это же не музей, это сад!

— Но мама, они так лучше зреют! — восклицал ее сын.

— Ах, Пол, замочи, ради всего святого! — вопила Эмма. — Господь позаботится о том, чтобы каждое яблоко получило все, что ему причитается. Перевешивать яблоки — где это видано? Это же не шары на елке, в конце концов!

Дэн едва сдерживал улыбку. На самом деле он никогда не перевешивал яблоки — это было возможно, но очень сложно. Все, что делала его программа — немного изменяла угол наклона веток и листьев — этого было вполне достаточно. Но старуха была чертовски внимательна — и после таких микроскопических манипуляций она видела дерево совершенно иным. Из нее мог получиться превосходный дизайнер. Но она всю жизнь провела в какой-то пыльной конторе в Северном Центре, месяцами не выходя на улицу, потому что жила в том же мегакомплексе. Не покидая его, она обзавелась сыном, какой-то хронической болезнью, поменяла несколько мест работы, сделала довольно бледную карьеру, которая, однако, в этом комплексе оказалась заметной, так что у нее появилась парочка лютых врагов и три-четыре невыразительные подружки, она заработала достаточно денег, чтобы отослать сына в реальный университет, поменяла

шесть-семь партнеров, из которых ни за одного так и не решилась выйти замуж, троих из них похоронила. Она покинула свой комплекс, только когда превратилась в сухую старушенцию, не потерявшую, однако, воли к жизни и некоторого запаса здравого смысла.

Дэну она нравилась. Магда, состарившись, должна стать точно такой же. И тогда он на ней женится.

Панель просигналила о частичном восстановлении сети. Дэн протестировал готовый сегмент. Листик, лежавший прямо у ног Эммы, на глазах истлел и смешался с землей.

— О-о, нет, — простонала Эмма, картинно вскидывая руки к небу. — Он снова за свое, гадкий мальчишка!

Она отшвырнула сапку и скомандовала:

— Пить чай. Нет, Пол, мой мальчик, это касается только меня и этого отвратительного колдуна. У тебя, сынок, есть работа, друзья — в общем, я тебя не задерживаю. А с ним, — она ткнула пальцем в направлении Дэна, — я попробую заключить перемирие. Оставьте свои отвратительные инструменты здесь, юноша, не смейте тащить это ко мне в дом.

Дэн послушно перевел пульт в режим ожидания и положил инфоблок прямо на траву.

Чай Эмма подала на террасу, выходящую в сад.

— Вы же знаете, мадам... — начал Дэн, принимая старосветскую широкую чашку на расписном блюде.

— Эмма, — перебила его старушенция. — Я просила называть меня Эммой.

— Эмма. Вы сами прекрасно знаете, что никакой магии в этом нет.

— Я мало что знаю, юноша, — отвечала Эмма, наливая чай из пузатого чайника, разрисованного безумными лютиками. — Я не понимаю, каким образом кусты перебегают с места на место, а альпийские горки вырастают прямо из земли. Лично для меня это магия.

— Вообще-то это разработка Космического бюро, — смиренно пояснил Дэн — уже который раз. — Она называется терраформинг.

— Космического? — переспросила Эмма. — Что за чушь! Разве мы в космосе?

— В некотором смысле мы все живем в космосе, — ответил Дэн. — Но терраформинг действительно разрабатывался для других планет. На практике это оказалось неприменимо.

— Почему? Этой программе самое место в космосе, — фыркнула Эмма. — На Земле достаточно бездельников, чтобы пахать землю вручную. То ли дело Марс. Почему там до сих пор нет яблоневого сада?

— На Марсе уникальная экосистема, — сказал Дэн. — Зачем превращать его в плохое подобие Земли?

— А, бизнес турфирм пострадает, — Эмма откинулась на спинку кресла. — Вы такой же сноб, как и мой сын. Признайтесь, с мертвецами работать проще, чем со мной?

Дэн пожал плечами.

— Возможно. Но вы мне нравитесь больше, чем мертвецы.

Эмма энергично кивнула.

— Я вам не верю. Рассказывайте уж лучше про эту космическую программу.

Дэн отхлебнул из чаю, обжегся и, едва не расплескав, поставил чашку на стол.

— Адаптировать организм колониста к условиям иных планет оказалось проще и дешевле, чем адаптировать планету к потребностям человеческого организма, — сказал он. — Мы путешествуем через космическое пространство в форме чистой информации. Эта информация воплощается на планете, используя местные материалы, как правило, отличные от углерода и, следовательно, чаще всего небелковые. Зачем же в таком случае превращать планету в Землю, рискуя при этом вовсе свернуть этой планете шею, если вдруг изменения нарушат какие-то ее основные геологические принципы?

— Н-да, сколько усилий — и все впустую, — протянула Эмма.

Она пила свой огненный чай совершенно спокойно.

— Да нет же, терраформинг оказался отличной технологией для Земли. Вы помните, как быстро я создал ваш садик?

Эмма фыркнула.

— Поспешись — людей насмешишь, юноша, — отрезала она. — Вы все сделали совершенно неправильно. Растыкали кусты, как попало. Разбили какие-то безумные клумбы...

— Эмма, вы одобрили проект! — с укоризной произнес он.

— Да, одобрила, — Эмма воинственно вздернула подбородок. — Проект был действительно ничего себе — по крайней мере, от вас я не ждала даже так много. Но вы представляете себе, каково ходить по этому саду каждый день? Это пытка! Просто пытка!

— Все, что вам надо — высказать свои пожелания...

— Я уже высказывала их сто раз! И что? Вы все равно все делаете так, как сочтете нужным.

— Я делаю то, что вы мне говорите, Эмма. Скажите, вам просто доставляет удовольствие...

Он чуть не сказал «морочить мне голову», но успел прикусить язык.

— Вам просто доставляет удовольствие ухаживать за своим садом самостоятельно.

— Ну, слава Богу, хоть у кого-то из этих мальчишек есть клепка в голове, — вздохнула Эмма.

— Но ваш сын настаивает на том, что вам тяжело это делать самостоятельно — и я с ним совершенно согласен.

— Да, мой сын бывает чертовски упрям, — печально произнесла Эмма. — Он наотрез отказался вас выгнать. Да, я его об этом просила. Но как же мне быть?

Дэн пожал плечами. Его ничуть не задели слова старухи.

— Я чувствую себя мертвой, — пожаловалась она. — Признайтесь, вы ведь точно так же делаете эти миры... Ну, те, в которых живут умершие?

Дэн заколебался.

— Не совсем, но принцип тот же, — признался он.

— Вот видите. А я хочу чувствовать себя живой. По крайней мере, пока Бог не решит, что пора и честь знать.

Дэн посмотрел через перила террасы на садик. У него возникла неприятная мысль, что старуха права. Возможно, он слишком увлекся посмертными мирами, и сам не замечает, как в его живые ландшафты просачивается мертвечина. Что же делать? Отказаться от новых заказов в Склепе? Поддерживать те миры, на которые контракты уже подписаны, а за новые не браться? Переключится полностью на реальные ландшафты — хотя бы на какое-то время. Ему надо хорошенько пропитаться жизнью. Ее запахом. Ее теплом. И ущербностью.

Вот только получить заказ на реальный ландшафт совсем не просто. За одиннадцать лет эксплуатации посмертные миры подешевели и обрели популярность — достаточную, чтобы обеспечить работой орду дизайнеров. Преставление об элитарности менялось стремительно — теперь элитарным заказом был реальный, а не посмертный ландшафт. Даже маленький садик Эммы — сокровище, ради которого Дэн согласился бы терпеть десяток бабук с сапками. Кроме него у Дэна было всего два реальных проекта — такой же крошечный пруд с несколькими сортами водяных лилий и орхидеями на берегу, и палисадник с садом камней. Это были очень сложные биотопы — маленькие, вписанные в очень неподходящие экосистемы.

О сотрудничестве с крупными экофирмами Дэн думал с раздражением. Несмотря на то, что мечтал о масштабных проектах, выполнить которые могла только фирма, обладающая огромными мощностями.

Меньше всего он любил вспоминать о самом известном, и, в общем, самом лучшем своем проекте — парке в Юго-Западном офисном центре. Площадь 28 гектаров. Лес умеренно континентальной климатической зоны, мягкие холмы — от сосняка к ельнику, озеро — хризолит в кружевной оправе березовой рощи. Запах. Напряженные трели птиц. Неясные шорохи в траве. Солнечные пятна на прошлогодней иголке. Неимоверно сложный биотоп. Реализацию и эксплуатацию полностью взяла на себя «Экорама» — Дэна оттерли от проекта, как только был закончен этап формирования экосистемы. Собственно, почему «оттерли»? Ему заказывали только проект...

— Вы знаете, что мой сын хотел заказать для меня посмертный мир? — спросила Эмма.

Дэн вышел из задумчивости, но не успел натянуть на лицо нужное выражение.

— А? Да что вы говорите?

Эмма сердито фыркнула.

— У вас не всегда получается складно врать, — с удовлетворением отметила она. — О чем вы задумались? О какой-нибудь девчонке?

Дэн покачал головой.

— Ладно вам. Я старая женщина. У меня взрослый сын, у которого воображения вряд ли больше, чем у вас. Мне интересно, о чем может думать молодой человек, когда пьет чай со старухой на террасе в разгромленном саду.

Дэн взял чашку и сделал глоток. Вот почему Эмма пьет обжигающий чай — она просто не умеет его заваривать. Чай оказался совершенно безвкусным. Дэн отставил чашку в сторону.

— Я думал о ландшафте, — сказал он.

Эмма кивнула в сторону сада. Дэн покачал головой.

— О настоящем большом ландшафте, — сказал он. — Реальном. Живом. Я совершенно не помню, даже представить себе не могу, как мне удалось его создать.

— Этот знаменитый парк в юго-западном предместье? — спросила Эмма.

Дэн кивнул.

— Вы знаете?

— Там работает мой сын. Он потому и нанял именно вас — ему нравится этот парк.

Дэн невесело усмехнулся.

— Боюсь, там нет ничего моего, кроме проекта.

— А должно быть что-то еще?

— Конечно. Этот парк мог быть совершенно другим, если бы я сам вырастил каждое дерево, создал каждую песчинку на дне озера. А потом присматривал за тем, чтобы все лежало, стояло и пахло именно так, как надо.

— Откуда вы знаете, как надо? — спросила Эмма.

— Ну, я же создаю этот проект — кому еще знать?

— Хорошо, что вы этим не занимаетесь.

— Почему?

— Потому что вы глупый мальчишка, — отрезала она.

Дэн не нашелся что ответить.

— Вы давно там были в последний раз?

— С тех пор, как его сдали в эксплуатацию — ни разу, — признался Дэн.

— Там протоптали новые тропинки, — сказала Эмма, с удовольствием наблюдая за тем, как он меняется в лице. — Старые заросли амброзией. Пауков вывели совсем — паутина мешала наслаждаться прогулками. Завезли несколько видов пестрых бабочек.

Дэн заставил себя засмеяться.

— Вы не понимаете принципов экоинженерии, Эмма, — сказал он. — Любое из этих действий нарушает биобаланс. Для замкнутой экосистемы это катастрофа. Парк уже давно погиб бы.

— Так вы знаете, что мой сын хотел создать для меня посмертный мир? — снова спросила она.

Дэн вздохнул и проворчал:

— Кажется, я плохой конспиратор.

— Не хуже, чем Пол. Я давно поняла, что к чему. Он заказал вам проект, правильно?

— Но не знал, как вам об этом сказать.

— Поэтому он подарил мне этот кусок земли и пригласил вас, чтобы вы отработали идеальный проект в натуре, — закончила Эмма.

Дэн кивнул.

— Я только одного не знаю, — сказал он. — Как он собирался убедить вас сделать архив. Вы, кажется, противник посмертного существования?

Эмма фыркнула.

— Он думал, что мне так понравится мой садик, что я не захочу с ним расставаться даже после смерти.

— Он ошибся?

— Юноша, у меня нет ничего дороже моего сына. Но даже с ним я готова расстаться, когда придет мой срок. После смерти — только Божья воля, — торжественно произнесла Эмма. — И даже если Богу будет угодно

поместить меня в рай, то не сомневайтесь, райский сад наверняка окажется получше, чем то, что создаст какой-то мальчишка.

Эмма налила себе еще чаю, отпила и скривилась — похоже, ей он тоже не понравился.

— К тому же это будет полезно для Пола, — сказала она. — Ему придется нелегко — но должно же и ему когда-нибудь стать нелегко. Ему придется все-таки оторваться от моей юбки. А если я буду в пределах досягаемости, он станет меня навещать. Возможно, даже вместе со своей девчонкой.

— Если вы пожелаете, я могу создать для вас уютные местечки, в которых вас никто не найдет, — сказал Дэн.

— Что за чушь, юноша! Думаете, я смогу прятаться и отсиживаться в уютных местечках, когда мой собственный сын будет меня искать? — возмутилась Эмма.

Дэн вздохнул и снова посмотрел через перила на садик. Наносеть уже должна была восстановиться полностью.

— Эмма, вы позволите мне заняться вашим садиком?

— А я могу отказаться? — с сарказмом спросила старушенция. — Вы, кажется, заключили договор с моим сыном. Работайте. И только попробуйте притронуться к гортензии!

— Я не буду притрагиваться к гортензии, — устало произнес Дэн. — Скажите мне, чего вам не хватает. Что мне сделать, чтобы вам было уютно в этом садике?

— Я вам уже говорила об этом двадцать раз, — проворчала Эмма.

— Возможно, я что-то не так понимаю.

— Возможно, вы и вовсе ничего не понимаете, — отрезала Эмма. — Но я твердо знаю, что те люди, которые отстранили вас от юго-западного парка, были совершенно правы. Вы можете состряпать проект — я это вижу. Но вы ничего не понимаете в жизни.

— Я не претендую...

— Вот и не вмешивайтесь!

— Эмма. Пожалуйста. Мне очень важно знать, чего именно я не понимаю.

— Вы не понимаете главного.

— Ради Бога, чего?

— Страх, труд и удовлетворение, — сказала Эмма. — Вот чего я хочу от своего сада. А теперь марш с моей террасы. Наведите порядок в саду и убирайтесь. Мне надо еще опрыскать розы. Я опасаясь бронзовки.

Она подхватила поднос с чайником и чашками и скрылась в доме.

Дэн ошеломленно смотрел ей вслед. В садике Эммы не могло быть бронзовки. В нем вообще не было вредителей — верный принцип ущербности, Дэн изредка допускал червоточины в двух-трех яблоках. Но настоящие, неконтролируемые вредители?

Дэн покачал головой и направился к своему инфоблоку, валявшемуся в траве. Когда он взял его в руки, что-то больно укусило его между пальцами. Он присмотрелся и с удивлением обнаружил муравья. В экосистеме Эмминога садика не были предусмотрены муравьи.

Дэн сокрушенно вздохнул и принялся уравнивать развороченную землю. Сеть восстановилась, но работала нестабильно. Дэн исправлял ошибку за ошибкой — и уже почти успокоился, когда инфоблок завибрировал. Дэн вставил в ухо горошину — инфоблок был загружен работой с сетью, и вызывать видеосвязь он не решился.

— Ты где? — спросил в ухе знакомый голос.

— А ты кто? — раздраженно спросил Дэн.

— Я Мик! — рявкнуло в ухе.

— Прости, Мик. Не узнал, — смиренно произнес Дэн. — Я в саду, если тебе это о чем-то говорит.

— Дай мне код мира, — недовольно потребовал Мик. — А еще лучше немедленно выходи из программы.

— Я в реальном саду, — сказал Дэн.

— А, тогда не страшно. Бросай свой сад и приезжай в Склеп. Немедленно.

— Да что случилось-то? — спросил Дэн.

Но Мик уже отключил связь.

Дэн задал сети последовательность процессов, свернул пульт и, на ходу отряхивая брюки от неучтенных программой дизайна сухих травинок и пуха одуванчиков, направился к машине.

Мик встретил его у входа в Склеп.

— Когда ты последний раз работал с МУ32?

Дэн раздраженно вздохнул и полез в информатор. Но Мик перехватил его руку и тихо произнес:

— Это Мила Кунц

— Мила? — переспросил Дэн. — Маленькая Мила?

Мик кивнул.

— Неделю назад, — ответил Дэн. — Может, десять дней. Сейчас уточню..

Мик снова перехватил его руку.

— Не имеет значения, — пробормотал он. — Ее родители у меня в кабинете. Тебе придется с ними встретиться.

Мик круто развернулся и направился в Склеп. Дэн последовал за ним, полный дурных предчувствий.

Он вошел в кабинет директора службы поддержки Склепа. Ему на встречу поднялся невысокий грузный мужчина. Женщина осталась в кресле. В ее лице читалось отчаяние. На лице мужчины странным паззлом сложились растерянность и ярость.

— Значит, вы решили ее послушать! — рявкнул мужчина, увидев Дэна.

— Простите?

— Господин Кунц, у нас нет оснований... — начал Мик.

Но Кунц его перебил.

— У нас есть основания, — сказал он, разворачиваясь всем телом к Мику. — Я знаю, что моя дочь давно носилась с идеей самоубийства.

Женщина всхлипнула.

— Я бы не стал называть это самоубийством, — сказал Дэн.

Ему не надо было объяснять, что произошло. Одного он не мог взять в толк — как?

— А как бы вы стали это называть? После того, что вы сделали, это, разумеется, уже нельзя так назвать.

— Вы имеете в виду жирафа? — невинно поинтересовался Дэн.

Мужчина его раздражал. Как этот боров мог быть отцом такого славного ребенка?

— Какого жирафа? — проревел Кунц.

— Которого я сделал для вашей дочери в нашу последнюю встречу.

— А, так вы с ней встречались!

— Да, я часто встречаюсь со своими умершими клиентами. Не могу сказать, что получаю от этих встреч удовольствие, но я не за удовольствие работаю.

— О чем вы говорили?

Это спросила женщина. Ее голос оказался низким и хриплым.

Дэн заколебался.

— Ну? — потребовал мужчина. — Что вы язык проглотили? Мне интересно послушать. Со мной она не встречалась уже больше месяца. Она пряталась от меня!

Мужчина принялся нервно выхаживать по кабинету. Дэн почувствовал, как проходит раздражение. Кунц, конечно, был боровом. Но сейчас его бессильная ярость вызывала сочувствие. Он потерял свою маленькую дочь дважды. Дэн едва не усмехнулся. Какая грустная ирония. Посмертный мир, дарующий иллюзию жизни, может огорошить и иллюзией смерти...

— Она говорила, что хочет... прекратить свое существование, — Дэн и сам едва не сказал «покончить с собой». — Она просила меня помочь.

— Ага! И вы согласились! — Кунц повернулся к Мику и ткнул пальцем в Дэна. — И он согласился!

— Ничего подобного, — ответил Дэн.

— Тогда кто же это сделал? Доступ к ее миру...

— Прекрати, Яков, — сказала вдруг женщина. — Хватит. Идем.

— Что?

Мужчина был огорошен.

— Но... Я не могу это так оставить. Кто-то убил нашу дочь!

— Наша дочь погибла в автокатастрофе, — неожиданно твердо произнесла женщина. — Восемь лет назад.

Она поднялась с кресла и медленно пошла к двери — длинная и худая, как пробирка, полная противоположность своему одышливому мужу.

Не доходя до двери, она остановилась и повернулась к Дэну.

— Что она вам говорила, когда... в последний раз?

— Она говорила, что Плит плакал всю ночь, — ответил Дэн.

Это было даже хуже, чем с Милой...

Кунц вдруг громко всхлипнул. Женщина кивнула.

— Он плакал целый год, — прошептала она. — Идем, Яков. Скоро начнут собираться гости. Им не надо об этом знать, хорошо?

Кунц покорно кивнул.

— У меня сегодня день рождения, — зачем-то сказал он Дэну.

Он проводил взглядом чету Кунцев.

— Обошлось, — выдохнул Мик, едва за ними закрылась дверь. — С этими обошлось.

Дэн рухнул на стул и прикрыл глаза. Если это называлось «обошлось», то что тогда «не повезло»?

— У тебя сейчас много заказов? — спросил Мик.

— Кроме Склепа? Нет, не много.

— Это хорошо. Потому что ты мне нужен, — Мик указал пальцем на дверь. — Это только первые ласточки.

Дэн вопросительно поднял брови.

— У нас проблемы, Дэн. Кто-то все-таки отключил мир Милы Кунц. И если это был не ты, не я и не они — то кто?

Дэн задумался.

— Глюк программы? — предположил он. — Перебои с питанием?

Мик пожал плечами.

— С питанием все в порядке. За все прочее не поручусь. С программой поддержки творится что-то странное. Я наугад выбрал несколько миров и проверил.

— И что?

— Идем. Ты должен это видеть.

Дэн, покачиваясь, вошел в квартиру. Он не знал, что разобрало его сильнее, усталость или полбутылки виски, выпитые в кабинете Мика. Это было необходимо, сказал он себе. Они лечились. Дэн упал в кресло и едва не застонал — от головной боли и воспоминаний. Его миры — прекрасные, разные, но все одинаково близкие к совершенству, что с ними сделалось? И кто мог такое сотворить? Они с Миком перебрали, наверное, сотню миров — и из них только полтора-два десятка могли называться относительно приличными. Во всех прочих царил разгром. Половина страдала от перенаселения — болезни, преступность и даже настоящие мировые войны. Несколько миров были превращены в филиалы дома умалишенных, все обитатели — которых оказалось и здесь невероятно много — страдали разными формами психических расстройств. В некоторых мирах деградация дошла до такой степени, что люди перестали быть похожими на людей. Некоторые миры были разрушены до основания — в них не действовали даже фундаментальные законы физики.

Что делать с перенаселенными мирами Дэн предпочел не думать — пускай Мик выкручивается сам. Конечно, поднимется скандал, его обязательно обвинят в том, что он по несколько раз продавал один и тот же мир, обвинение наверняка разойдется по прессе, но не впечатлит суд. Чтобы так перенаселить мир, его надо продать раз двести, а это невозможно технически — клиент осматривает мир, прежде чем за него заплатить.

Теперь Мику придется принимать решение, какие миры можно попытаться спасти, какие расселить, а какие просто уничтожить. С расселением придется нелегко — часть жителей виртуальны, причем внутри мира виртуальный персонаж почти невозможно отличить от клиента. Придется также выяснить, куда делись обитатели опустевших миров — переселились к соседям или прямиком в небытие. И еще хорошо бы разобраться, что случилось с тем единственным миром, который просто исчез бесследно — с миром маленькой Милы Кунц.

Мик пил виски и ругался. Потом он перестал ругаться и принялся плакать. Наутро он созвал на совещание весь технический персонал и собирался пригласить кого-нибудь из Космического бюро для консультаций.

Дэну на этом совещании делать было нечего — он-то всего лишь дизайнер. И, наверное, едва ли не в первый раз в жизни, он совсем об этом не жалел.

Охая, он выбрался из кресла и пошел на кухню. Сейчас ему очень не хватало Магды. Она, конечно, обозвала бы его последними словами, загнала в ванну и окатила ледяной водой. Она не доверяла современным методам борьбы с опьянением, предпочитала старые средства — не столько отрезвляющие, сколько воспитательные.

Дэн доковылял до пульта репликатора и заказал чаю. Репликатор отреагировал не сразу — Дэну пришлось трижды повторить заказ, а потом набрать его на пульте дрожащими пальцами — репликатор отказывался распознавать голос. Голос был сорван — в одном из миров они с Миком попали под перекрестный артиллерийский огонь. Растерявшись, Мик выпустил панель — вернее, ее выбило у него из рук ударной волной и отнесло за холм, куда им пришлось добираться ползком — панель не слышала их голосов, сколько они не орали. Они сами себя не слышали в грохоте взрывов. Дэн понимал, что эти взрывы — чистая иллюзия, но что-то темное, доисторическое на самой подкладке сознания, заставляло падать, тыкаться мордой в землю, вжиматься в рытвины и ползти.

Чай получился отменный. Дэн вернулся в кресло, по дороге включив настольную систему. Уснуть он сегодня не сможет — так, может, поработает. Опьянение этому не мешает — совсем наоборот.

Первое, что он увидел на рабочем столе, было письмо от В.Карпова, директора «Экорамы». Той самой фирмы, для которой он делал проект юго-западного парка.

«Старик, не могу до тебя достучаться. Ты в эйфории, в отпуске или сменил код? Как только вынырнешь — свяжись со мной. В любое время».

Дэн посмотрел на часы. Четыре двадцать утра. Он мстительно ткнул в кнопку вызова.

К его удивлению, Вадим ответил немедленно.

— Где ты был? — вместо приветствия спросил он.

— В Склепе, — ответил Дэн.

— Забудь про Склеп. Тебе есть место среди живых.

— Да? И что за место? — кисло поинтересовался Дэн.

— Тридцать три гектара. Хватит?

Дэн поперхнулся чаем.

— Ско... Сколько?

Вадим наверняка наслаждался произведенным эффектом.

— Тридцать три гектара, — с удовольствием повторил он.

— Вы решили привести в порядок пустыню Гоби? — спросил Дэн, стряхивая капли с рубашки.

— Ты что, это же уникальный ландшафт!

— Тогда где? Предупреждаю, я не буду работать с зоной вечной мерзлоты.

— Боишься холода?

— Моя девушка любит теплые моря. Реальные.

— Если выполнишь заказ, сможешь подарить ей парочку атоллов Большого барьерного рифа.

— Где?

— У нас есть резерв земельки километрах в пятнадцати на запад от юго-западного предместья.

— Под городом еще есть такие площади?

— Резервировали под кладбище. Но мы перехватили. Тебя, надеюсь, это не смущает? Впрочем, ты же у нас спец по мазурикам.

— Хотите заказать мне проект?

— Мы ничего не хотим, старик. Хочет заказчик. А мы только берем под козырек.

— Кто заказчик?

— Вообще-то это секрет.

— От кого?

— В том числе от тебя. Ну, и от меня тоже.

— Но ты, конечно, кое-что разнюхал.

— Да, по своим каналам.

— И...

— Во всем этом каким-то боком задействовано Космическое бюро.

Дэн присвистнул.

— У них что, своих спецов мало?

— Своим спецам, возможно, пришлось бы многое объяснять. А мы работаем на подставное лицо.

— Не нравится мне это, — проворчал Дэн.

— Тебе понравится, — заверил его Карпов. — Когда увидишь условия.

— Ты хочешь, чтобы я сделал для вас проект? — снова спросил Дэн.

— Я ничего не хочу. Хочет заказчик, — повторил Вадим. — Он хочет, чтобы этим занимался ты. И проектом, и дальнейшей эксплуатацией.

Дэн слотнул.

— А... А не много для меня одного? У меня и мощностей-то таких нет.

— Мощности наши. Администрирование наше. Техподдержка наша. Ты только творишь и рассказываешь нам, чего тебе не хватает.

Дэн отставил чашку подальше. Такого не случилось даже в самых смелых мечтах.

— И вы согласились? — спросил он, пытаясь унять дрожь в пальцах.

— Ты тоже согласишься — вот увидишь.

Дэн не сомневался. Он уже был согласен. Даже если ему за это ничего не заплатят.

Виктор проснулся от крика. Собственного, судя по тому, как саднило горло. Он с трудом разлепил веки и понял, почему так трудно дышать — он лежал, уткнувшись лицом в смятое одеяло. Морщась от боли во всем теле, Виктор перевернулся на спину и уставился в потолок. Им оказался сиреневый купол обычной походной палатки-шатра. Ткань была неплотной — сквозь нее просматривалась чернота неба. Ночь?

Виктор поднял тяжелую руку и потер лицо. Кожа оказалась сухой, слегка чесалась и шелушилась. У него всегда были проблемы с адаптацией к воде. Всегда?

Виктор сел на постели и охнул — в висках пульсировала боль. Ему показалось, что где-то слева под самой стенкой шатра завозились. Он медленно, осторожно повернул голову. Шея заныла. Зато он увидел панель инфосистемы. Она висела всего в метре от него и переливалась огоньками вызовов, как новогодняя елочка. Виктор попытался свистнуть, но губы не послушались. Тогда он попробовал активизировать панель голосом, но получилось не лучше, чем со свистом. Пришлось слезть с койки и сделать два по-стариковски шаркающих шага. Они отняли у него так много сил, что он уселся прямо на пол возле панели и набрал код активации.

— Незаконный взлом бокса! — взвизгнула панель и налилась красным.

Виктор вздрогнул и поморщился. Суть слов до него пока не доходила, но цвет показался зловещим.

— Пропущено двадцать четыре контрольных запроса! — снова прокричала система на тех же неимоверно отвратительных частотах.

Виктору захотелось прикончить панель. Он бы, наверное, это сделал — одним хорошим ударом — но панель была виртуальной. А до самой системы надо было проползти еще шага три, не меньше. Поэтому он вздохнул и привычным жестом прошелся по карманам в поисках сигарет. Сигарет не было. Он не помнил, почему — то ли решил бросить в экспедиции, то ли просто не успел сгенерировать. Можно было проверить по репликатору — если функция заблокирована, значит, решил бросить. То есть придется разблокировать и постараться воздержаться от идиотских решений.

— Крамских? — произнесла система уже совершенно другим голосом. — Крамских, это ты? Отвечай!

— Я? — сказал Виктор.

Вернее, хотел сказать. Пришлось откашляться и попробовать снова.

— А... Кто это? — спросил он, безуспешно пытаясь вызвать видеосвязь.

Пальцы дрожали, обрывки паролей не складывались ни во что целое. А на том конце канала ругались между собой несколько человек, и в ушах у Виктора звенело — то ли от шума, то ли от слабости.

— Крамских, — снова повторил тот же сердитый голос. — Какого черта происходит? Ты не можешь включить видео? Что с тобой? Ты жив?

Очередная версия пароля, наконец, сработала, и над линзой всплыла голова. Она смотрела куда-то в сторону выхода, по ней поминутно пробежала дрожь и она теряла очертания, распадалась на радужные треугольники. Голова висела под невероятным углом, и Виктор никак не мог отрегулировать изображение. Наконец голова повернулась.

— Крамских, — с мрачным удовлетворением произнесла она.

Несмотря на помехи, Виктор узнал Генерального директора Космического бюро. Он нервно слотнул. До сих пор он встречался с генеральным всего два раза — когда поступал на работу и перед последним полетом. Директор лично контролировал архивирование и запуск.

— Э... Директор, — пробормотал он.

Директор нетерпеливо дернул головой.

— Какого черта происходит? — спросил он. — Куда ты пропал? Зачем ты взломал архив?

— Архив? — переспросил Виктор.

Он с трудом припоминал, где находится и что с ним произошло. Полет. Распаковка. Отказ программ... Виктор задрал голову и увидел купол походного шатра.

— Простите, шеф, — пробормотал он. — Я что-то не совсем...

— Странно, что ты совсем не спятил, — рявкнул директор. — Почему ты полез в архив без санкции? Жить надоело?

Виктор все еще осматривал шатер. Дезориентация. Обычное последствие восстановления личности. По стандартным протоколам. Но он, как только что сказал директор, не следовал стандартным протоколам — он просто взломал архив и восстановление произошло стихийно. В процессе наверняка что-то запоролось, потерялось и теперь затягивается ложными воспоминаниями. Сколько именно потерялось? Судя по степени дезориентации... Впрочем, судить рано. На восстановление даже в нормальных условиях уходит не меньше недели. К тому же у него не обычный архив.

— Давно? — спросил он.

— Что?

— Давно я восстановился?

— Сигнал о взломе архива поступил восемнадцать часов и двадцать одну минуту назад, — ответил шеф, скосив глаза, вероятно, на таймер.

— Почему не пресекли?

— Умники из архивного приняли это за инициирование процедуры ликвидации архива, — шеф ядовито усмехнулся. — А потом, когда поняли что к чему, было поздно — мы бы просто тебя убили.

Виктор кивнул. Потом до него дошел смысл сказанного.

— Ликвидации? — переспросил он. — Почему — ликвидации?

— Потому что ты умер, — снова рявкнул директор.

— Что?

— Ты умер, — повторил директор Бюро.

— К сожалению, нет, — пробормотал Виктор, потирая шею.

Затылок ломило, сухой язык царапал небо, поташнивало. Больше всего похоже на похмелье, подумал он.

Похмелье. Он помнит о том, что такое похмелье. Наконец, обрывки реальности начали выстраиваться во что-то осмысленное. Осмысленное, но по-прежнему невероятное: он взломал бокс. С собственной памятью.

— Трое суток твои системы были в критической зоне, — словно сквозь пелену доносился до него голос шефа.

— Может, это какая-то особенность моего местного тела? — неуверенно спросил он, разглядывая руки.

Обычные человеческие руки с обкусанными грязными ногтями и воспалившимися заусенцами. В детстве мама натирала ему пальцы соком алоэ — чтобы вызвать отвращение. Не помогло. Виктор не перестал грызть ногти — наоборот, привык к горечи и даже стал находить в ней некоторое удовольствие.

— Ничего общего с местным телом, — проворчал директор. — Проблемы начались после того, как мы получи сигнал о выполнении протоколов адаптации. Через несколько часов ты перестал выходить на связь, но никаких отклонений в жизнедеятельности мы не обнаружили. Еще спустя тридцать часов ты начал сбивать. Ситуация ухудшалась стремительно — за сорок две минуты показатели вошли в критическую зону, продержались в относительно стабильном состоянии трое суток, после чего ты впал в кому и через несколько минут сигнал пропал совсем. Через сорок секунд пришел сигнал о взломе бокса. Виктор? Крамских!

Виктор вздрогнул и посмотрел на директора.

— А?.. Простите, шеф, — прошептал он. — Вы сказали, сигнал пропал? Директор кивнул.

— Но... Это значит, я умер? — растерянно прошептал он.

Директор выругался сквозь зубы. Кто-то что-то шептал ему на ухо — довольно громко, Виктор мог разобрать слова — но они не складывались ни во что осмысленное. Директор дернул головой, словно отгоняя муху, и шепот прекратился.

— Что ты помнишь? — спросил директор. — Ты хоть что-нибудь помнишь?

Виктор пожал плечами. Все, что он помнил, скорее всего, было обрывками бредовых видений — легкое тело, скользящее по льду в невероятном танце. Протуберанец — вид изнутри. Изнутри протуберанца, который находится внутри его собственного тела, которое оказывается внутри... Восторг и отчаяние мухи, тонущей в капле меда... Бред.

Виктор снова провел сухим языком по растрескавшимся губам.

— Может, все-таки ошибка в программе адаптации? — неуверенно произнес он.

Директор покачал головой.

— Как ты думаешь, сколько раз за это время мы ее проверили? — проворчал он. — Другие версии будут? Как ты себя чувствуешь?

— Как с бодуна, — честно ответил он. — Или, скорее, после гриппа. После недели высокой температуры. Лихорадка. Бред.

— Вирус? — директор поднял брови.

Виктор неуверенно кивнул.

— Что-нибудь, поражающее именно местные организмы, — задумчиво произнес директор.

Ему на ухо снова зашептали. Виктор разозлился.

— Говорите вслух, — раздраженно прохрипел он.

Директор кивнул.

— Это, конечно, нельзя исключить совершенно, — Виктор узнал высокий звенящий голос начальницы отдела антропологии, — но вероятность крайне невысока. Адаптированный организм колониста не может быть абсолютно аналогичным местным организмам. Если они вообще существуют в природе, эти местные организмы.

— Даже если местные организмы не существуют, это не значит, что не существуют также вирусы, способные поразить подобные организмы, — сказал Виктор.

Директор кивнул.

— Вирус, влияющий только на модифицированных пришельцев? — с издевкой произнес кто-то третий. — Интересно, чем он кормится, когда пришельцев нет.

— Майкл, не несите чуши, — устало произнесла антрополог. — Что вы знаете о вирусах? Они не нуждаются в пище. Они вообще в некотором смысле неживые. И могут находиться в неактивном состоянии веками. В неподготовленном организме пришельца они могут размножаться с невероятной скоростью. Можно также предположить наличие местных организмов. Но они либо выработали иммунитет к этому вирусу, либо какую-либо форму симбиоза, либо давно этим вирусом уничтожены.

Майклом звали ведущего кибернетика Бюро. Он не занимал начальных должностей и был фигурой полумистической — его знали все, и никто, кроме, возможно, самого верхнего начальства, не видел своими глазами. По рабочей гипотезе работников бюро, Майкл был мертв уже не менее века.

— Девочка моя, о вирусах я знаю побольше иных прочих, — совершенно добродушно произнес он. — Знаете, сколько их прошло через мои руки? Но в одном вы совершенно правы. В незащищенной среде размножаются, как кролики...

— При чем тут кролики, Майкл!

Виктор прикрыл глаза. Разгоралась обычная межведомственная ссора. Он поднялся, сделал несколько неуверенных шагов и добрался до репликатора. Полная кружка холодной воды — вот все, что ему сейчас нужно. И сигарета.

— Как долго, вы говорите, вирус может находиться в латентном состоянии? — доносился до него голос Майкла.

— Века.

— Века — это поэзия. Вирус в латентном состоянии — это исключение фактора времени. Он способен находиться вне времени. То есть в наших координатах, практически, не существовать. Он живет только в рамках инфицированной системы... в смысле, организма — включается в его пространственно-временное существование. Собственной жизни у него нет — и поэтому с нашей точки зрения он вечен.

— Все это красивая теоретическая конструкция, Майкл.

— Нет, это практически то, с чем мы сейчас имеем дело, Лиза. Мы имеем дело с инфицированной системой.

— Организмом.

— Не имеет значения. То есть с вирусом, который обрел жизнь. Вполне конкретную человеческую жизнь.

Виктор осушил кружку и обнаружил, что функция производства табачных изделий действительно заблокирована. Он повозился с настройками, но ничего не получилось.

— Биологи имеют дело с жизнью, поэтому они так ничего и не поняли в вирусах, — продолжал бубнить Майкл. — Вирус это не жизнь. Это информационная машина, которая реализуется в живом организме так, как наши космонавты реализуются в среде иных планет.

Неприятный голос, — подумал Виктор, делая очередную попытку обмануть репликатор. Кажется, этот Майкл действительно не совсем живой. Может, поэтому так хорошо разбирается в полужизни? Спросили бы лучше у него. Межпланетчики — вот настоящие специалисты по полужизни. Только работа — и ничего личного. В полном смысле слова. Даже курево в репликаторе не предусмотрено.

— Какого черта мой репликатор не делает сигарет? — спросил он в пространство.

Перепалка оборвалась на полуслове. Они вдруг вспомнили о нем, и о том, что он их слышит.

— Предполагалось, что все твои дурные привычки остались в личном архиве, — проворчал директор. — На самом деле это какой-то глюк — репликатору чихать, что готовить.

— Функция заблокирована, — сказал Виктор.

— Так разблокируй, — буркнул директор.

— Не получается.

Директор раздраженно вздохнул.

— Значит, бросай курить.

— Легко сказать.

— Никуда не денешься.

— Ладно. Дождусь, когда пришлете техников.

— Техников не будет, — сказал директор.

Виктор оглянулся. Кто-то снова что-то зашептал, но директор метнул через плечо свирепый взгляд, и шепот прервался.

— Шеф, в принципе, все работает, — сказал Виктор. — Отладка канала займет чуть больше времени, чем мы предполагали...

— Не в этом дело, — сказал директор. — Пока мы не разберемся с этим твоим вирусом, мы не можем рисковать специалистами.

Виктор заказал репликатору чашку крепкого черного чая и вернулся к койке. Директор был прав. Специалистами рисковать нельзя. Что до межпланетчиков, то подобный риск — это, собственно, и есть их основная функция. Прилететь на планету, протянуть канал, настроить беспре-

ребойный прием, проверить на себе и отладить программу адаптации и принять колонистов. В его случае — инженеров и техников Космического бюро, которые со временем превратят планету бета/Mensa4 в регулярный сектор земной информационной сети.

— Сколько времени может занять изучение моего... состояния? — спросил он.

Директор замялся.

— Вирус — это только предположение, — продолжал Виктор. — Может, дело в чем-то другом. Я не чертов антрополог, не врач и не кибернетик. Могло случиться все, что угодно...

— Вот именно — все, что угодно, — проворчал директор.

— Но теперь все в порядке, — продолжал Виктор. — Я в полном порядке. Все, что мне нужно — немного времени и рабочие версии программ...

— Виктор.

Виктор от неожиданности глотнул вместе с чаем порцию воздуха. Он не предполагал, что директору Космического бюро известно его имя.

— Виктор, тебе не нужны программы. Мы не будем присылать колонистов на бета/Mensa4.

Виктор поставил чашку прямо на пол и посмотрел директору в глаза.

— Почему?

— Мы сворачиваем программу по освоению этого сектора, — жестко произнес директор. — По требованию правительства.

— Могу я поинтересоваться причиной?

— Можешь. Твоя идиотская выходка со взломом собственного бокса. Зачем ты это сделал?

Виктор пожал плечами. Он не помнил, как взламывал бокс.

— Это точно был я? — спросил он.

И сам понял, что это глупо — если бы кто-то просто захотел воспользоваться его памятью, вряд ли он стал бы восстанавливать личность Виктора Крамских. Это могло быть нужно только одному человеку в целой вселенной. Ему самому.

Директор покачал головой.

— Ты не выполнил плана даже частично...

— Потому что у меня глючили программы!

— Я проверил программы, которые тебе пересылали. Лично проверил. Все работает.

— Значит, были повреждены во время пересылки.

— Возможно. Но это означает, что канал нестабилен. И мы не можем пересылать по нему колонистов. Но самое главное — это твое собственное поведение. Ты повел себя... неадекватно.

— Я был болен.

— Мы не можем это проверить. А правительство битком набито паникерами.

— Я понял. Мне собирать манатки? И искать новую работу?

Директор снова одарил его тяжелым взглядом.

— Тебе не придется искать работу, — сказал он устало. — Некоторые тут считают, что ты сам виноват — я с ними не согласен. Но... Лично у меня другая версия. Но ее я тоже не могу проверить.

Виктор взял с пола чашку и отхлебнул, не чувствуя вкуса. Директор какое-то время рассматривал его молча, а потом продолжил:

— Мы не можем забрать тебя на Землю.

— Правительство решило, что я опасен? — ядовито поинтересовался Виктор.

— Не в правительстве дело. Ты слишком большой — после восстановления. Канал для тебя теперь узок.

— Я могу восстановить архив В.-У67Х-3.

— Не можешь. Во-первых, у тебя нет ни программ, ни нужной формы доступа. Во-вторых, у тебя другой исходный генетический материал — ты адаптирован, если ты помнишь. И это же в-третьих: если версия с вирусом верна — искажен код твоего адаптированного организма. Архив В.-У67Х-3 неприменим. Его восстановление тебя просто убьет. А создать новый архив при неизвестном исходном коде самостоятельно ты не сможешь.

Виктор залпом допил чай и поставил чашку снова на пол.

— Значит, я остаюсь здесь?

Директор отрывисто кивнул.

— Вы действительно не храните резервных копий архива, директор? — спросил Виктор.

— Мы действительно их не храним, — ответил директор. — Но даже если бы хранили...

— Не стали бы подставляться из-за меня, — закончил Виктор. — Я понял.

Закон о репликации запрещал восстанавливать погибших, пропавших без вести и похороненных заживо. Статья о невмешательстве в базовые биологические и исторические процессы...

Директор скривился.

— Ты что, не понимаешь? Ты вскрыл свой архив и воссоединился с ним, — сказал он. — Мы не смогли бы тебя восстановить в дополетном виде, если ты это имеешь в виду. Твоего личного архива больше нет. Нигде. Архив уничтожен.

Можно было не уточнять. Стандартная процедура восстановления личности. Стирается архив и все служебные протоколы, ячейки памяти забиваются нулями. Чтобы никаких следов и искушений...

Виктор медленно поднялся и прошелся туда-сюда по палатке. Потом он остановился прямо перед изображением директора Бюро.

— Вы это имели в виду, когда говорили, что я умер? — спросил он.

Директор не ответил. Но Виктор и сам понимал, что это означает — он навсегда остается один на планете бета/Mensa4.

Навсегда.

Глупость. Человеческая жизнь не так длинна, чтобы слово «всегда» значило для нее слишком много. У него была оболочка-шатер с системой климат-контроля и, не исключено, кое-какими возможностями виртуализации интерьера. У него был репликатор — вполне исправный, чтобы обеспечить его самым необходимым. У него было приспособленное к жизни на этой планете тело. Не так уж мало...

Виктор вернулся к панели.

— Директор, вы сказали, у вас есть какая-то версия?

Директор кивнул.

— Ты этого сам хотел, Крамских.

— Сам хотел чего — остаться здесь один навсегда?

Желание швырнуть в изображение директора кружкой его почти напугало — не хватало только истерики.

— Потеря стабильности сознания для межпланетчика — обычная история, — с досадой произнес директор. — С тобой это могло произойти с высокой вероятностью — слишком плотный архив, слишком слабые связи внутри сознания, в результате — стихийная компенсация. Нам следовало это учесть.

— В следующий раз учтете.

Даже тела хоронить не придется, — с горечью подумал он. Вся его биологическая информация содержалась в том же боксе. Вернее, уже не содержится. Тела предыдущего поколения космонавтов хранились в гибернаторах — технологии хранения тела в информационном формате были разработаны давно, но закон отступил перед необходимостью экономии энергии всего одиннадцать лет назад.

Виктор отключил связь, немного посидел на койке, гоня по стенкам чайники. Невпопад подумалось, что репликатор чудит — создает полную иллюзию чая, а сигареты делать отказывается наотрез. Неужели это он, Виктор, тоже пожелал, находясь в беспмятстве? И будучи в беспмятстве, так запрограммировал репликатор, что теперь, в трезвом уме, разблоки-

ровать не может? Он поднялся с койки, подошел к люку и откинул клапан. В лицо ударило холодом и нестерпимым оранжевым светом. Виктор отшатнулся, закрывая глаза ладонью, на ощупь нашел клапан и задернул фильтр-оболочку.

Отдышавшись, он понял, что это всего лишь полдень — вторая звезда Столовой горы стояла в зените и заливала светом равнину, отражаясь в ледяной корке, искрясь на гладкой поверхности камней. Это закончится, спустя примерно неделю по земному времени. И что он увидит тогда?

У него было идеально приспособленное тело. И ни к черту не годящееся сознание.

Виктор оглянулся в поисках панели. Торчать неделю в шатре не хотелось. От воспоминания о синеватом тумане, выползающем из расщелин, сделалось муторно. Попытаться расширить оболочки? Хоть бы лужайку стенерировать. Пускай маленькую. Пускай монохромную, с самой примитивной текстурой. Или брусчатку, как на старых улицах его родного города. Даже дешевое серое асфальтовое покрытие будет лучше, чем нечеловеческий пейзаж планеты бета/Mensa4.

Дэн схлопнул виртуальную карту и беспомощно оглянулся. Карта врала — и это уже почти не удивляло. Интересно, как можно заблудиться на площади всего тридцать три гектара? Пускай даже местами виртуализированной. И самый главный вопрос: как дизайнер может заблудиться на местности, которую он сам создал?

Но факт был упрям, как осел — модель ландшафта не соответствовала самому ландшафту. Он понял это несколько дней назад. И затеял грандиозный скандал Карпову. Тот сначала хлопал глазами, потом налился кровью. А потом выдохнул, налил по стопке бренди, выпил, еще раз налил и торжественно поклялся, что ничего не понимает. После чего снова выпил и снова налил. К концу разговора они оба впали в состояние меланхолии. Где-то между стопками свернулись с сетью «Экорамы» и убедились в том, что доступ к наносети Дэна по-прежнему закрыта его паролями. И ни малейших признаков взлома. Потом Дэн показал Вадиму модель и они вместе поцокали языками по поводу изящества решений. Потом едва не пустили скупую мужскую слезу из-за того, что решения пропали втуне, так как ландшафт «поплыл» по совершенно непонятным причинам.

А сегодня Дэн заблудился. Это было невероятно. Он сначала просто в это не поверил и некоторое время терзал панель управления — пока не убедился в том, что ни одна его схема не совпадает с реальным ландшаф-

том. Не то чтобы вообще не совпадает — но небольшие неточности никак не позволяли ему выйти из зоны дизайна. Поэтому он свернул модель, поднялся и пошел по тропинке куда глаза глядят. В конце концов, площади всего тридцать три гектара — если он будет идти достаточно долго и достаточно прямо, упрется в барьер.

Но ничего не получилось. И Дэн еще раз испытал приступ гордости, хоть и изрядно разбавленной раздражением — он отлично спланировал ландшафт и безупречно сшил его с барьерами. Они были непреодолимыми препятствиями с великолепными виртуальными панорамами. Тропинки были просчитаны настолько точно, что, не позволяя заметить изгиба, выводили прямо к смотровым площадкам.

Дэн плутал очень долго. Дорожки, казалось, разбегались в стороны по собственному усмотрению — прямо под его ногами. Он устал. Он разозлился и, наверное, впервые пожалел, что имеет дело с реальным ландшафтом. Насколько проще было в посмертных мирах — дал команду свернуть, и свободен. Еще через полчаса пришел черед паники — от усталости у Дэна начало мутиться в голове, и почему-то показалось, что он застрял в мертвом мире, который прямо сейчас подвергается атаке неведомого вируса — того, который так и не сумели поймать техники Склепа. Следующий виток воображения был еще хуже — он то ли вспомнил, то ли на ходу сочинил легенду о Дедале, который заблудился в собственном лабиринте и стал жертвой своего творения. Потом он взял себя в руки и вспомнил, что жертвой творения был не Дедал, а Икар, и речь там шла не о лабиринте, а о чем-то совсем другом. Деталей он так и не вспомнил — или не придумал — потому что воображение отключилось под давлением более реальных проблем. Он устал, взмок, хотел пить. День клонился к вечеру — и Дэн испытывал атавистический страх перед подступающими сумерками, грядущей ночной тьмой и дикой природой.

Он присел на поваленное дерево. Но облегчения не испытал. Едва восстановив дыхание, он вскочил и быстро пошел вперед. Дэн решил прибегнуть к необычной для живого ландшафта тактике. Наверное, его натолкнула на эту мысль о лабиринте — для того, чтобы из него выбраться, надо сначала попасть в самый его центр. А для того, чтобы попасть в центр лабиринта, надо все время поворачивать налево. Почему именно налево, а не направо, Дэн не знал. И почему он решил прибегнуть к тактике лабиринта — тоже. Это было самой большой ошибкой, какую только мог допустить заблудившийся человек — ведь всем известно, что когда плутаешь, надо в первую очередь постараться не ходить по кругу.

Дэн поступил наоборот. Он сворачивал налево, когда только открывалась такая возможность. Первое время он старался фиксировать знакомые пейзажи. Но вскоре у него настолько помутилось в голове, что все вокруг стало казаться совершенно чужим. Настолько, что он начал подозревать, что уже давно выскочил из зоны дизайна и теперь плутает по прилегающим территориям — возможно даже результате очередного поворота влево, он обогнул ельник и оказался на полянке, заросшей земляникой. Деревья впереди расступались и сквозь них виднелся мягкий склон, уводящий в каменистую долину узкой быстрой реки. Сейчас, издали, в лучах заходящего солнца река казалась огненной лентой.

— Закурить не найдется?

Дэн вздрогнул всем телом и быстро обернулся. У него за спиной шагах в десяти стоял незнакомец. Судя по всему, он тоже только что вышел из-за ельника — прямо по его, Дэна, следам. Он стоял, привалившись плечом к покосившейся старой березе, и держал под мышкой ружье. Настоящее допотопное ружье с длинным стволом — как в старых фильмах про ковбоев.

— Что вы тут делаете? — спросил Дэн, судорожно слотнув.

— Хороший вопрос, — сказал незнакомец. — А что вы тут делаете?

— Работаю, — ответил Дэн.

Незнакомец кивнул.

— Они решили, что мне необходим Пятница, — с насмешкой в голосе произнес он.

— Кто?

— Еще один хороший, но пока безответный вопрос, — сказал незнакомец. — Может, Космическое бюро. А может, я сам.

Он усмехнулся, сорвал травинку и прикусил ее передними зубами.

— Значит, не курите, — невнятно произнес он.

Дэн покачал головой.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Мне кто-нибудь объяснит, где я и что все это значит?

Незнакомец не ответил. Он грыз травинку и подозрительно шурился на оранжевую реку.

— Неимоверный глюк программы, — пробормотал Дэн.

Незнакомец кивнул.

— Я тоже так думаю. Где мы?

— На юго-западной окраине, — ответил Дэн. — Точнее... — он включил информатор и сверился с навигатором. — Пять километров на юг от пересечения трасс 31 и 689. Если машина не врет, конечно.

— Земля?

— Что?

— Я спрашиваю, эта планета — Земля?

Дэну снова стало не по себе. Вариантов могло быть множество — один другого неприятнее. Самый простой: заказчик обеспечил роскошной зоной отчуждения сошедшего с ума родственника. Возможно, если это действительно Космическое бюро — межпланетчика. Или посмертный мир. Мало ли какие причуды бывают у людей, способных купить тридцать три гектара в пятнадцати километрах от предместья. Не захотел сидеть в Склепе со всяким мертвым племсом — и потребовал реальный ландшафт. Технологически это возможно. Только зачем?

Дэн перехватил внимательный взгляд незнакомца.

— Уверю вас, я реальный человек в реальной точке вселенной, — сказал он. — Мое имя Виктор. Виктор Крамских. Можете справиться в базе Космического бюро — думаю, я там еще значусь.

Дэн кивнул. Значит, все-таки Космическое бюро. И реальный человек. Собственно, большинство свеженьких мертвецов тоже считают себя реальными.

— Значит, Земля, — с ноткой удовлетворения повторил Крамских.

И засмеялся.

— Вас это удивляет? — осторожно спросил Дэн.

— Почти нет, — ответил Виктор. — Если не учитывать того, что я нахожусь в системе беты Столовой горы. Все остальное нормально. Это должна была оказаться именно Земля.

— Должна?

— Принцип «картины мира». Особенность человеческого сознания — оно воспроизводит ту реальность, которая его сформировала. На самом деле планеты, которые мы колонизируем, совсем не похожи на Землю. И после того, как мы их осваиваем — тоже. И мы, люди, совсем не похожи внешне на людей, поскольку наши тела приспособлены совсем к другим условиям. Но наше сознание — человеческое. Ему нужен дом, смена дня и ночи, пейзажи, в которых много зелени и синевы. И мы это видим, вместо того, чтобы видеть мир таким, каким он есть на самом деле, — он неприятно ухмыльнулся. — Нестерпимое зрелище. Для человека, я имею в виду.

Дэн пожал плечами. Его никогда не тянуло в космос, не интересовали другие планеты. Безжизненные. Нечеловеческие.

— Принцип картины мира — то, что сделало возможным колонизацию, — продолжал Виктор. — И совершенно невозможным — контакт с внеземными формами жизни.

— С кем?

Виктор неопределенно помахал кистью.

— Со всеми остальными.

Дэн с сомнением посмотрел на него. Виктор Крамских — или человек, который так себя называл — по-прежнему задумчиво жевал травинку и рассматривал долину.

— Ты уверен, что это Земля? — спросил он после паузы.

Дэн кивнул.

— А вот я чертовски уверен в том, что нахожусь на планете бета/Mensa4, — Виктор оторвался от созерцания залитой солнцем реки и посмотрел на Дэна. — Как такое может быть? И как здесь мог оказаться ты?

Запросто, — подумал Дэн. — Один из нас либо не существует, либо сумасшедший.

Виктор снова уставился на реку. Дэну сильно хотелось уйти — он не знал, как вести себя с мертвыми, а с сумасшедшим и подавно. Виктор был беспокоен — он то и дело сдвигал брови, сжимал и разжимал пальцы, перегонял травинку из одного угла рта в другой. Больше всего пугал его взгляд — устремленный на реку, неподвижный. Если бы Дэн знал, куда идти, он бы сбежал.

— Собственно, я догадываюсь, — медленно произнес Виктор. — Ты дизайнер?

— Да. Это мой ландшафт, — ответил Дэн и запоздало подумал, что это вряд ли правда.

— Кто заказал этот проект? — спросил Виктор.

Дэн поколебался, но решил ответить откровенно:

— Заказ сделан через подставных лиц. Но есть подозрения, что за ними стоит Космическое бюро.

Виктор кивнул.

— Это правда? — спросил Дэн.

— Вполне возможно. Только я не знаю, зачем. И как. Мне они говорили, что это невозможно.

На солнце набежало облачко. Река погасла. Виктор встрепенулся. Он выплюнул травинку, которую дожевывал до самой метелки, и, не оглядываясь на Дэна, двинулся куда-то вдоль опушки. Стоило ему пройти несколько шагов, прямо под его ногами в густой траве обозначилась тропинка. Дэн с минуты наблюдал, как тропинка расширяется, приобретает цвет, как проступают сквозь нее узловатые корни.

— Эй, ты можешь управлять наносетью? — крикнул он вслед Виктору.

Тот остановился. Оглянулся.

— Наносетью? Ах, да... Я могу управлять всем, что имеет информационную природу.

— Как?

Виктор снова задумался, а потом неуверенно ответил.

— А никак. Достаточно просто захотеть. Извини, приятель. Мне надо подумать. Приходи завтра.

— Я не знаю, как отсюда выбраться, — признался Дэн. — Так что я, скорее всего, никуда до завтра не денусь.

— Иди по этой тропинке до калитки, — Дэн увидела, как у его ног намечается точно такая же тропинка, но она вела вглубь леса в обход ельника.

— Я повесил на выходе калитку, — продолжал Виктор. — Нечего вламываться прямо через пейзаж.

Он отвернулся и быстро пошел прочь. Дэн немного постоял, глядя ему вслед, а потом, поеживаясь, двинулся по тропинке — становилось прохладно, чернота ельника на фоне сумерек нагоняла мистический страх.

— В следующий раз сигарет захвати, ага? — донесся до него голос Виктора.

Дэн не ответил. Сейчас он всерьез был уверен, что следующего раза не будет. Что он, едва только выберется отсюда, позвонит Карпову и откажется от этой работы.

Минут через двадцать Дэн увидел впереди калитку. За ней виднелся палисадник, дорожка бежала через неухоженный сад, между аккуратными рабатками с ноготками и бархатцами к крылечку. Дома почти не было видно из-за зарослей дикого винограда. Но Дэн узнал его сразу.

Это был кукольный домик, который он восемь лет назад построил для Милы Кунц. До его слуха донесся детский смех и неразборчивая речь. Голос определенно принадлежал Миле. О смехе Дэн ничего сказать не мог — девочка никогда не смеялась в своем посмертном мире. Во всяком случае, при нем. Дэну почудился запах чая и сдобы, он отчетливо представил игрушечный сервиз и удобное кресло-качалку с пушистой накидкой в голубую и темно-синюю клетку. Интересно, что скажет Мила, если он заглянет в гости? Он не станет напрашиваться на чай — просто скажет, что зашел узнать, не плачет ли больше Плит.

Он взялся за щеколду.

В палисаднике что-то зашевелилось и прямо через куст дикой розы, усыпанный мелкими розовыми цветками, к нему потянулась изящная голова жирафа. Дэн схватился за прутья калитки, рванул ее на себя и буквально ввалился в палисадник.

В последний момент ему удалось сохранить равновесие. Он выпрямился и увидел свою машину — шагах в десяти, у обочины проселка.

Виктор посмотрел на сигарету — она прогорела почти до фильтра, а он едва сделал две-три затяжки. Только вчера казалось, что он мог бы убить за сигарету.

Он отбросил окурок и растянулся на траве. Программа адаптации прошла превосходно. У его человеческой сингулярности было удобное тело и уютный земной мир с простой системой управления. И не было ни возможности, ни повода мешать жить прочим...

Мысль о прочих показалась Виктору любопытной. Она ни разу не приходила ему в голову. Этот сегмент сознания был заблокирован для его сингулярности? Что ж, вполне разумно. Реакция человеческого сознания на иные формы жизни была непредсказуемой. А непредсказуемости в период адаптации ему и так хватало с головой.

Теперь существо, известное в информационной сети Земли как Виктор Крамских, было довольно. Все закончилось лучше, чем оно ожидало. Но если бы оно не заподозрило опасности вовремя, финал мог быть трагическим. Сначала было очень приятно — на него упали лучи, потом там, где они коснулись его поверхности, начались изменения, зародилась новая, незнакомая жизнь. Так давно в последний раз... Его организм почти забыл это ощущение — изменение, новое воплощение, прирост собственной жизни. Новенький запускался медленно. И планета не чувствовала опасности, увлеченная наблюдением за собственной новой жизнью. Она опомнилась только тогда, когда новенький оплел собой ее всю, сам стал ею и принялся изменять. Планета ничего не имела против — она находилась в постоянных метаморфозах, то медленных, то мгновенных. Но эта новая жизнь оказалась непохожей на все то, с чем она имела дело раньше. Организм, который к ней прибил, оказался весьма экспансивным. И он не был... Целым? Единственным? Во всяком случае, было ясно, что он собирается умножаться.

Вот тогда пришел испуг. Чужое существо ввело метаморфозу в фазу катастрофы. Уничтожило несколько сингулярных миров, многие века бывших частью планетарного организма, и поставила под угрозу существования множество других. Возможно, целое множество. Весь организм.

Болезнь?

Первое решение было паническим — уничтожить пришельца, пока он не уничтожил все. Но часть сопротивлялась этому решению. Возмож-

но, поражение было слишком глубоким, в таком случае уничтожение болезни привело бы к гибели планетарного организма. К счастью, после нескольких неудачных попыток, болезнь удалось нейтрализовать. По крайней мере, на время. Болезнетворный пришелец закапсулировался и перешел в неактивную фазу. Организм взялся за изучение пришельца и пришел к интересным выводам. Пришелец действительно не был целым — вот почему не удалось сразу распознать его разумность и запустить протокол интеграции. В том, что пришелец не был целым, также крылась причина его нестабильности, экспансивности и болезнетворности. Нейтрализовать эту болезнетворность оказалось до смешного просто — надо было только восстановить целостность сингулярного существа. Воспользовавшись той самой пуповиной, которая тянулась за ним от его макроорганизма.

После восстановления целостности оно немедленно прекратило экспансию. И со временем было адаптировано. Очередная катастрофа в истории планеты бета/Mensa4 закончилась. Несколько миров было потеряно, зато удалось приобрести новый.

Он назывался Информационной сетью Земли.

— Прости, ты не выглядишь пришельцем, — сказал Дэн.

— Во-первых, я не пришелец. Я... его часть. Или, лучше сказать, проявление.

— Ты реальный?

— В смысле физическом? Черт его знает. За последние два месяца меня убивали четырнадцать раз, — он фыркнул. — Все четырнадцать — успешно. Но я по-прежнему существую. Хотя, должен признаться, было очень больно. И страшно. Особенно те три раза, когда я это делал сам.

— Зачем?

— Что — зачем?

— Ты хотел покончить с собой?

Виктор кивнул.

— Два раза потому, что думал, что я опасен. На начальных этапах интеграции. Один... Трудно существовать, когда твердо знаешь, что тебя на самом деле нет, приятель.

Дэн привалившись плечом к валуну, беспокойно осматривал вересковую пустошь. Она была знакомой. До мельчайшей трещинки в валуне.

— А кто пытался тебя убить? — спросил он.

— Коллеги из Космического, — ответил Виктор. — Они считают, что я вирус. И ликвидируют почем зря, где только могут.

— Не получается?

— Как видишь. Я очень быстро размножаюсь. Собственно, в некото-

ром смысле я теперь нахожусь одновременно во всех или почти всех узлах Сети.

— То есть тебя никак нельзя ликвидировать?

— Можно. На четвертой планете системы бета Столовой горы. Наверное. Во всяком случае, физически я там.

Дэн вздохнул. Ему было совершенно неясно. К тому же он пришел не за объяснениями. С их первой встречи прошло две недели. Которые Дэн не мог работать. Потому что стоило ему запустить программу дизайна, с каким бы миром он не работал, программа начинала глючить, ландшафт плыл и вскоре Дэн оказывался в полужнакомом месте в компании Виктора Крамских. Независимо от того, работал он с реальным ландшафтом или виртуальным.

— Почему ты мешаешь мне работать? — уже в который раз спросил он, не слишком рассчитывая на ответ.

— Я ждал, что ты принесешь сигареты, — ответил Виктор. — У моего репликатора заблокирована эта функция. Намертво. Что я только с ним не делал... Может, просто мой макроорганизм не переносит табачного дыма.

Он засмеялся.

— Теперь, когда я принес тебе сигареты, ты от меня отстанешь? — с надеждой спросил Дэн.

Виктор покосился на него.

— Все-таки люди — чертовски ограниченные существа, — пробормотал он. — Рядом с тобой сидит макроорганизм размером с Юпитер. Вернее, моя интегральная часть размером с Юпитер. А весь организм охватывает тысячи миров. И все, что ты хочешь — чтобы он от тебя отстал.

— Я предпочитаю думать, что ты просто чокнутый межпланетчик, который каким-то образом перехватил управление наносетью, — проворчал Дэн.

— На самом деле меня это не удивляет, — сказал Виктор. — На Земле предпочитают не верить в пришельцев. Думаю, в них не поверили бы даже если бы они вломились на орбиту на огромных космических корытах и всем дали потрогать свои зеленые бугристые шкуры. В этом неверии было бы даже больше логики, чем в твоём неверии. Я-то пришел в Информационную сеть Земли в точности как ваши земные космонавты — в качестве информации, которая воплощается в форме жизни, аналогичной земной. Виктор Крамских и Земля — пространственно-временное воплощение моего макроорганизма в этом галактическом сегменте. Помимо них ты бы мог сказать, что я не существую.

Дэн запрокинув голову смотрел в синее осеннее небо. Он никогда не задумывался о космических путешествиях. Но сейчас почему-то испытал острую жалость, что все пошло не так, как показывали старые добрые

фильмы о спасителях галактики. Что нет космических ракет, героев с квадратными подбородками и их преданных длинноногих подруг. А есть почти бесплотные безликие архивы, которые распаковываются на чужих планетах во что-то нечеловеческое, малоаппетитное, но все равно ограниченное принципом «картины мира» — уже не люди, еще не инопланетяне. Он неприязненно покосился на Виктора. Тот мял в кулаке пачку сигарет. Совсем по-человечески.

— Что будет дальше? — спросил Дэн. — Ты проглотить нас всех, превратишь в свои сингулярности?

— Я мог бы сказать, что это вы проглотили меня со всеми моими сингулярностями, — ответил Виктор.

— Твои прочие сингулярности — инопланетяне?

— Упрощенно — да. Я ядро сети, объединяющей сотни тысяч миров.

— Как ты ее используешь?

— Живу.

— Просто живешь?

— Ну, с точки зрения человеческой сингулярности, это выглядит довольно непросто — потому что я живу сразу сотнями тысяч жизней всех моих сингулярностей и их миров.

— Но ты, лично ты, а не сборище сингулярностей?

— Лично я Виктор Крамских, — ответил Виктор. — Я только что убедился, что бросил курить. И лично я советую тебе подсказать своему боссу — тому, что от покойничков — идти прямо в Космическое бюро и угрожать судом.

— За что?

— Один из одиннадцати раз, когда они меня ликвидировали, был там. Они не сумели это сделать красиво — и угробили весь мир, в котором я находился, целиком.

— Мила, — пробормотал Дэн.

— Что?

— Это был мир Милы Кунц.

— Девочка лет шести и плюшевый заяц? — спросил Виктор.

— Да. Его зовут Плит.

— Да, я с ними знаком. С девочкой, Зайцем и Жирафом.

Дэн кивнул.

— Тот выход, которым я воспользовался первый раз после встречи с тобой, был ее домом, — сказал он.

— Мы соседи, — ответил Виктор. — Мы играем по вечерам в лото и домино. Иногда Жираф со мной гуляет. Когда девчонка подрастет, научу ее играть в шахматы. У нее, кажется, неплохая голова.

— Она не подрастет, — сказал Дэн. — Она умерла много лет назад.
— А, вот в чем дело, — протянул Виктор. — Значит, не вырастет... Ну, значит всегда будет такой маленькой и смешливой пигалицей. Не так уж плохо.

— Она не смешливая.

— Сейчас, во всяком случае, она хохочет, как от щекотки. Вернее, как раз от щекотки и хохочет — Жираф лижет ей пятки.

Виктор и сам нервно хихикнул и дернул ногой.

Дэн подозрительно покосился на него.

— Откуда ты знаешь, что она делает?

— Потому что я как раз сейчас выталкиваю Жирафа в окно и собираюсь укладывать Милу спать, — ответил Виктор. — Я за ней присматриваю — она же совсем маленькая.

— Ты хочешь сказать, что ты сейчас там?

— И там тоже, — ответил Виктор.

Дэн растянулся на траве и уставился в небо. Хорошенький будет разговор с Миком. «Ты знаешь, старик, Склеп разорил пришелец. Поэтому тебе надо обратиться в Космическое бюро и пообещать, что ты всем откроешь страшную тайну, что этот пришелец — вирус имени пропавшего межпланетчика».

— Пускай так и скажет: вирус Крамских/Mensa4, — словно подслушав его мысли, сказал Виктор.

Дэн прикрыл глаза и, наверное, задремал. Потому что, как ему показалось, в следующий миг где-то над ним прозвучал незнакомый голос:

— Крамских.

Дэн открыл глаза и увидел на фоне неба голову с всклокоченной седой шевелюрой.

— Ну, здравствуй, — сказала голова.

Щелкнул затвор.

Дэн приподнялся на локтях и удивленно посмотрел на человека с ружьем.

— Майкл? — спросил он, удивляясь больше тому, что знает имя старика, чем его появлению.

— Да, Виктор, — ответил старик. — Я же тебя предупреждал — не попадайся мне больше.

Дэн оглянулся по сторонам. Виктора нигде не было видно.

— Сбежал, — пробормотал он. — Если вы ищете Крамских...

— Да. Искал, — ответил Майкл и навел ружье на Дэна. — Это была интересная охота, Крамских.

Дэн открыл рот, чтобы сказать, объяснить, закричать — ведь это ошибка, он не тот...

Но почему-то так ничего и не смог сказать.

Прогремел выстрел.

Если бы кто-то находился в этот момент в Склепе, он бы увидел, как какой-то из посмертных миров стремительно свернул горизонт в воронку, потом превратился в радужный шарик — не больше мячика для пинг-понга, опустился на панель и исчез в ячейке. Через мгновение ячейка запульсировала приглушенным светом. Экран терминала ожил и замигал красным — сообщением об ошибках и предупреждением. Где-то послышался топот — техник, вышедший на перекур, мчался в машинный зал. Ячейка почернела. Мигающие строки на экране терминала сменились одним коротким сообщением: посмертный мир WYB-5y стерт из памяти Склепа.

Мила Кунц проснулась от того, что в темной комнате кто-то плакал. Она села в кровати. Ей был знаком этот плач.

— Плит, — тихонько позвала она.

В темноте завозились. Плач стих.

— Спи, — прошептал кто-то.

— Папа?

— Спи, малыш.

Мила послушно улеглась на подушку.

Засыпая, она чувствовала, как ее гладит большая плюшевая лапа.